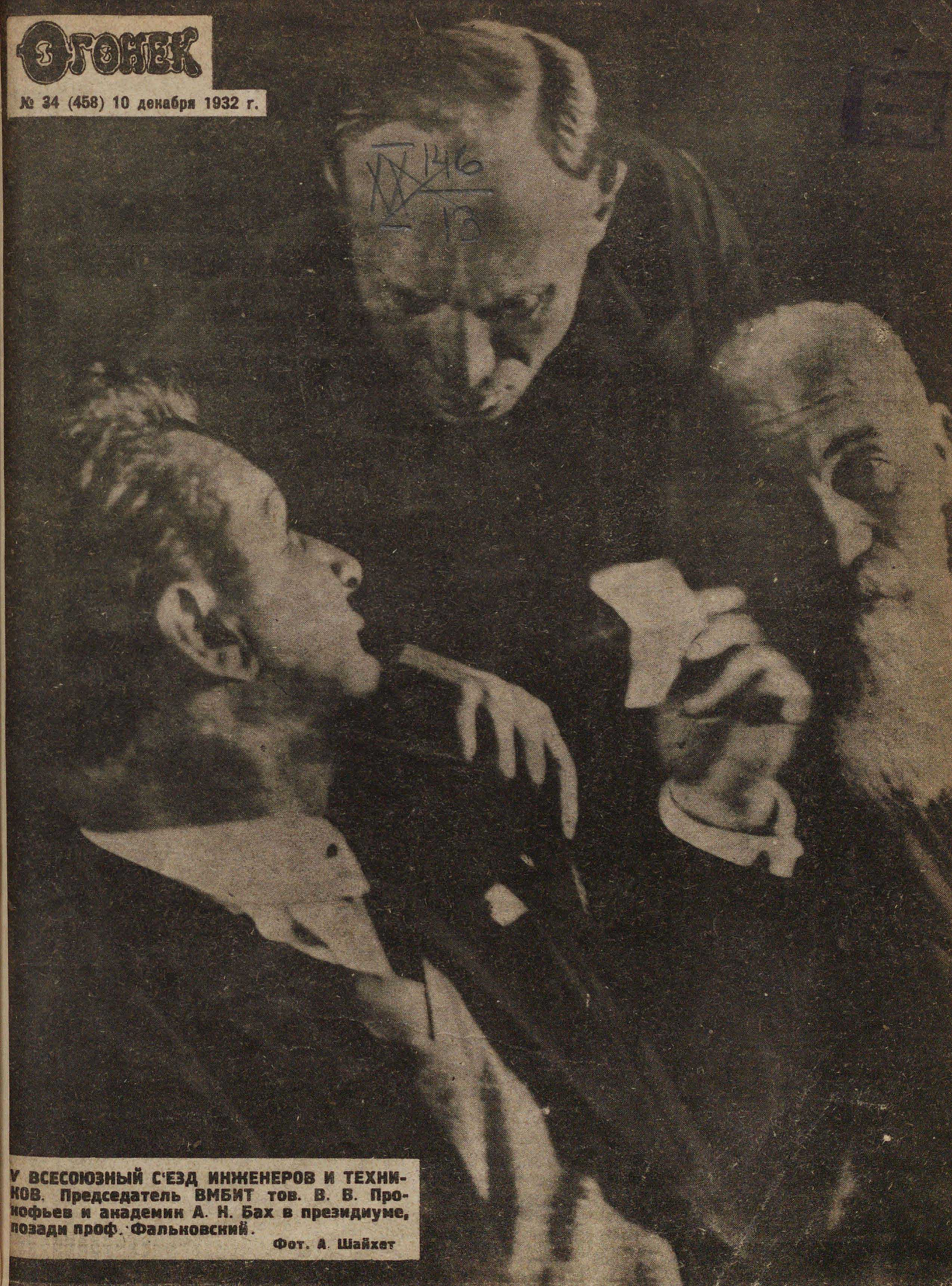
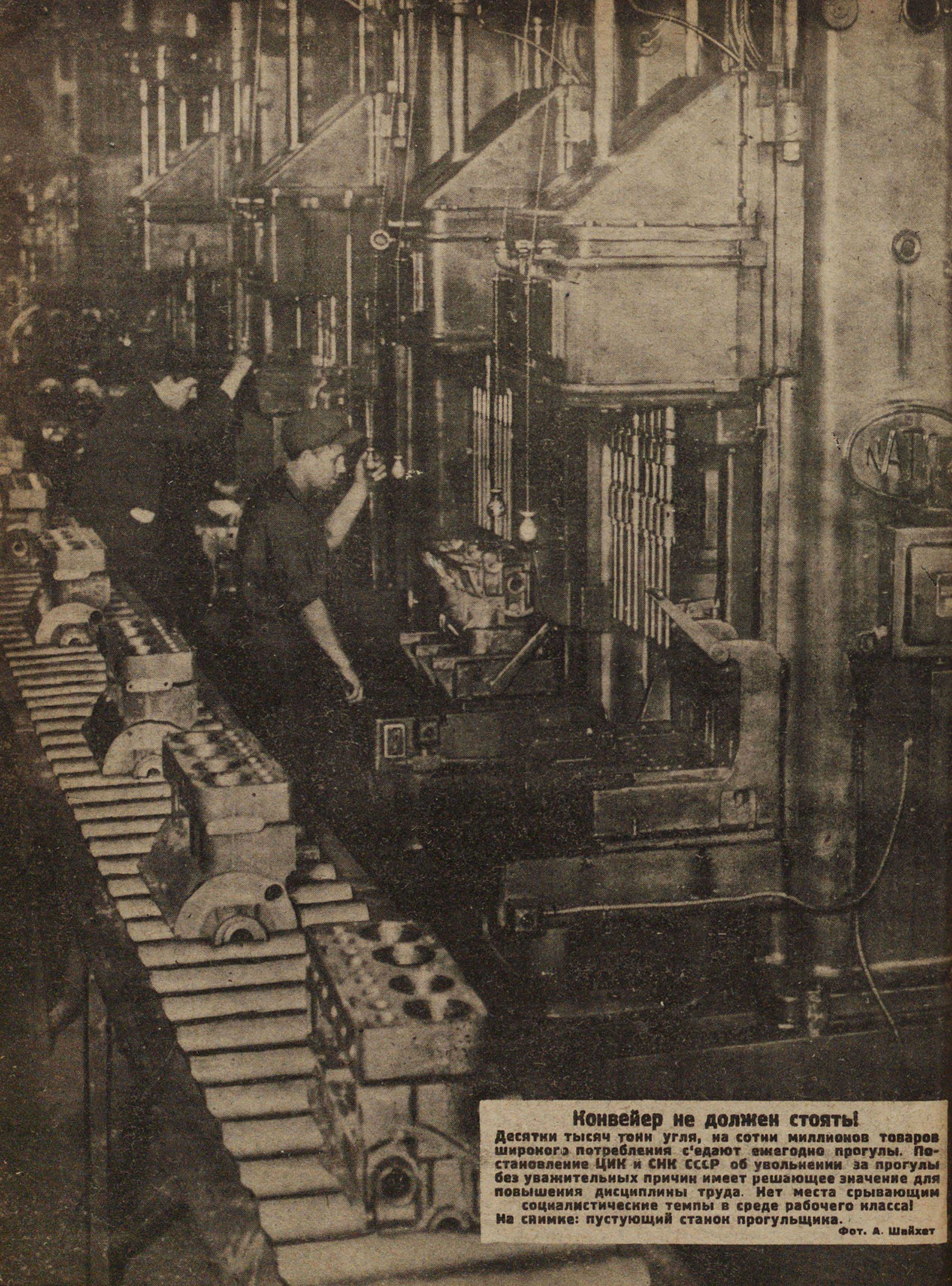

V ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД ИНЖЕНЕРОВ И ТЕХНИКОВ. Председатель ВМБИТ тов. В. В. Прокофьев и академик А. Н. Бах в президиуме, позади проф. Фальковский.

Фот. А. Шайхет

Конвейер не должен стоять!

Десятки тысяч тонн угля, на сотни миллионов товаров широкого потребления съедают ежегодно прогулы. Постановление ЦИК и СНК СССР об увольнении за прогулы без уважительных причин имеет решающее значение для повышения дисциплины труда. Нет места срывающим социалистические темпы в среде рабочего класса! На снимке: пустующий станок прогульщика.

Фот. А. Шейхет

ФРАНКО-СОВЕТСКИЙ ПАКТ О НЕНАПАДЕНИИ ПОДПИСАН

29 ноября во французском министерстве иностранных дел состоялось подписание советско-французского пакта о ненападении.

Представитель Франции г. Эррио и советский полпред тов. Довгалевский, как представители СССР, скрепили своими подписями документ крупного исторического значения.

Нельзя не расценивать подписание этого пакта, как огромную победу нашей политики мира, особенно, если припомнить, что определенные империалистические круги Франции в течение ряда лет являлись вдохновителями и наиболее энергичными сторонниками антисоветских интервенций.

Французская буржуазия, верный союзник царской России, вложившая миллиарды в ее предприятия и займы, необычайно энергично боролась со Страной советов, уничтожившей царизм.

Французский империализм принимал участие в создании белых армий, он поддерживал Колчака, Деникина, Врангеля, белопольскую Польшу, напавшую в 1920 г. на Страну советов. Да и после окончания гражданской войны воинствующие круги французской буржуазии неоднократно делали попытки организовать новую интервенцию и расчленив Советский союз.

Между тем в течение долгих лет советская власть упорно и последовательно ведет борьбу за мир, невзирая на все противодействия, идущие из лагеря международного империализма.

Результаты этой настойчивой политики мира налицо.

Даже наиболее озлобленные враги рабоче-крестьянского государства вынуждены признать, что мирная политика СССР —

непреклонный факт, и что только Страна советов действительно искренне ведет борьбу за мир.

Уверенность в этом и привела одну из руководящих группировок французской буржуазии к решению, что не в ее интересах создавать себе врагов на востоке Европы.

Успехи социалистического строительства нашей страны, бурный рост как в области экономики, так и обороноспособности, сыграли также не малую роль в изменении соотношения сил между миром капитализма и миром социализма в нашу пользу.

Именно благодаря тому, что СССР превратился в мощную цитадель социализма, буржуазные правительства вынуждены считаться с ним как с мировым политическим и экономическим фактором. В этом году правительству СССР, идущему по пути мира, уда-

Тов. Довгалевский

лось подписать ряд пактов о ненападении с теми из наших соседей, которые до сих пор под разными предлогами отказывались от этого.

Подписание договоров о ненападении с Финляндией, Эстонией, Латвией и Польшей свидетельствует о том, что даже самые ярые милитаристские круги наших лимитрофов приходят к убеждению, что всякая антисоветская военная авантюра грозит тяжелыми последствиями для них в нынешней обстановке хозяйственного развала в странах капитализма и необычайного экономического роста СССР.

Французские правящие круги также осознали эту истину и поняли, что заключение пакта о ненападении может явиться не только определенной гарантией дела мира, но и базой

для развития выгодных для обеих сторон деловых сношений между Францией и СССР.

Если мировой экономический кризис усилил антисоветскую деятельность некоторых элементов, ищущих в походе против СССР выхода из тупика, то с другой стороны тот же кризис увеличил заинтересованность отдельных деловых кругов капиталистических стран в укреплении хозяйственных связей со Страной советов. Именно под давлением плохого состояния торгового баланса Франции хозяйственные круги страны относятся более внимательно к торговому рынку, открывающемуся для них в СССР.

Трудящиеся массы Советского союза, относящиеся с величайшим уважением к французскому народу и его революционным традициям, с чувством глубокого удовлетворения встречают известие о подписании франко-советского пакта.

Во Франции же наиболее реакционные элементы проявляют враждебное отношение к подписанию этого пакта.

Крупная победа советской дипломатии, естественно, вызвала неудовольствие групп буржуазии, заинтересованных в разжигании борьбы между народами. Об этом нельзя забывать, так как подписание пакта о ненападении отнюдь не парализует тех сил, которые создают опасность войны. Ценность пакта заключается в том, что он помогает бороться с этими силами и, значит, содействует дальнейшему проведению мирной политики советского правительства.

Г-н Эррио

Череп

Яр. Смелянов

Я знаю, как гибнут люди.
На розовых эшафотах,
под выстрелами проходимцев,
под солнцем и синевой.
Осенними вечерами
затягивают веревки
философы и поэты,
товарищи и враги.
Ощупанный докторами
хороший, квадратный череп
кудрявого самоубийцы
лежит на моем столе.
И страшно мне трогать губы,
запачканные вареньем,
и думать о том, что кости
отчетливо холодны.
Когда мы сидим и смотрим
на наше большое небо,
на детские звезды, на эти
прохладные облака.
Когда мы идем с тобою
под теплым дождем. И капли

летят на тебя горстями,
дрожат на твоих губах.
Когда ты глядишь такими
нетронутыми глазами—
мне хочется очень плакать
как мальчику, как тогда.
И я прихожу — сутулый —
стою и смотрю на череп,
на желтоватые зубы,
на выцветшие глаза.
И что же — мне тоже, значит,
разбить себя без остатка,
мне тоже висеть, как вымпел,
над треснувшими дверьми?
Мне тоже — выходит — надо
валиться по анатомкам
и бросить свой рыжий череп
на твой небогатый стол.
Неправда! Другие зори
на нашем широком небе.
Неправда.
Я буду бегать,

влюбляться,
писать стихи,
я буду трастись в трамваях,
читать на-ходу газеты,
спеша по утрам на работу,
ругаться в очередях.
И пусть говорит мне доктор,
о том, что я очень болен,
что легкие раз'едает
веселый туберкулез,—
я твердо стою и прямо,—
хорошая, дорогая,
ты помнишь зеленый шарик,
ты любишь весенний дождь!
И если я не сумею.
А впрочем — не надо если,—
сейчас я смотрю на череп
и думаю о борьбе,
о улицах, на которых
раскрашенные киоски,
о розовых мальчуганах,
о солнце. И о тебе.

Поездка Скутаревского*

Л. Леонов

Кроме прямого и официального назначения, поездка и по другим причинам была насущно необходима Скутаревскому. Она была бы бегством от самого себя, если бы главный, решающий перевал в его судьбе уже произошел; а когда-то, в гостях у Подушкина, он полагал в простоте душевной, что уже перевалил вершину! Это, впрочем, походило на правду, легкую и тем более обманчивую; все главные удачи были уже пройдены; низкое солнце стояло позади; затухало фанфарное эхо Скутаревской славы, которая ни в ком уже не будила ни зависти, ни жажды соревнования; новые корявые самородные имена подбирались к зениту, и знаменье старей обветшалой кометы не пугало уже никого. И когда в отдалении объявилось это квадратное, предназначенное для охота, сорокакилометровое поле, он ринулся туда до срока, лишь бы скорей принять бой и опередить судьбу... Нет, именно навстречу ей бежал он, потому что удача сулила ему благополучное завершение и всех остальных его чаяний.

— ...профессор желает чаю? — спрашивал человек напротив.

— Может быть, попозже, товарищ... товарищ?... Я все забываю...

— Меня зовут Джелладалеев... трудная фамилия, она легко дается только актерам: я заметил. — И улыбался, как бы извиняясь.

— Вы, что же, бурят или узбек?

— Я туркмен. Так, я, все-таки, закажу чай! — И весь этот разговор произошел распливчато, как во сне.

Поездку эту, при желании, можно было бы истолковать и как бегство от Жени,

если бы представляла теперь какое-нибудь значение эта запоздалая страсть. Требовалось слишком много всякого рода звуков, чтоб из нее получилось то прекрасное стихотворение, которое издревле, на все лады, то в ярости, то в ревности, то в издыхании повторяет человечество. А прежде всего требовалось равенство, и, хотя он всячески добивался этого, равенство их было мнимое. Из двух сторон слабейшей явно была Жени — безымянная девчонка, провинциальное существо и пока еще только замысел человека, макет его любви, выдуманный в унылой семейной каморке, с голыми ногами и еще у самого старта бегуны. Может быть, ее и не было вовсе, и только мысленные, силовые лучи Скутаревского, пересекаясь, образовывали этот милый и ненасыщающий призрак. Ее мечтанья определяли ее сьмое. Ей хотелось иметь полупустую, свободную от вещей комнату и простой, непременно клееновый в ней стол. Там неправильным треугольником разбросаны — наган, плитка шоколада и ветка елочки в стакане; вот они, римфы к девушке из поколения, которое пришло на смену Сергею Андреичу. Может быть, если найдется место, на столе лежит еще книжка Скутаревского; у Жени нет знаний прочесть ее, и оттого книжка всегда нова в ее воображении. Булка и яблоки, вот ее пища, пища богов и кроликов. Желание делать пользу, еще не сформировавшееся до профессии, — вот ее простенькая и отдаленная цель... Та же самая беговая дорожка у него оставалась пройденной. Он был знаменитость, член горсовета, научный — так сказать — отец целой оравы сотрудников, директор, вождь, лед, индивидуум, величина и, хотя бесхвостая, но все еще комета... и так уж по-

лучалось: весь его житейский путь ступенчато приводил его к ее жесткой, нищей, еще несмятой кровати. Он раз'ярился бы, если бы ему показать, во что обратилась его борьба с горой и какими тяжеловесными смыслами он нагрузил случайную, шальную встречу с миловидной девчонкой.

Нет, еще следовало спорить об истинных причинах, которые увели его из семьи, которые заставили его подобно вору, в запертом кабинете, разглядывать анкету Жени. На этом пухлом, соломенной бумаге, листе он отыскал третий вариант догадок, которого не мог заранее предположить. Она была дочь мелкого кооператора, член юношеской организации, — выход из нее она пространно объяснила отказом в путевке на учебу. Ее посылали на работу, которая не прибавляет знаний и не молодит: тогда она решила пробиваться сама и пешком отправилась в столицу из крохотной подмосковной провинции. Анкета не требовала таких подробностей, и если Жени шла на такую щедрую откровенность, значит — знала, кто первым прочтет ее признания. И снова — бежать от нее теперь означало бежать ей навстречу.

— Поезд сильно запаздывает из-за записок, — повторил спутник; сказать он хотел что-то совсем другое, и, в сущности, первая его реплика была о том же.

Сергей Андреич впервые со вниманием всматривался в провожатого своего. То был сухощавый, в военной форме, ловкий и чем-то замедленный человек; с самого начала пути он был внимателен, вкрадчив и молчалив. Культура и городской отпечаток смыли с него прежнюю кочевую смуглость, и даже некоторая раскосость глаз пред-

ставлялась скорее признаком индивидуальным, чем расовым. Только руки его, огромные, темные, с застарелыми желваками и рубцами в ладони указывали, откуда он пришел в свое высокое воинское звание. И, глядя на него, Скутаревский думал рассеянно: чорт их знает, какие стихийные национальные залежи раскопала советская власть. Страдая от безмерного уважения к имени ученого — и тут просыпался в нем кочевник, впервые увидевший могущество человека в мире! — Желладалев поминутно, неуклюже и трогательно старался развлечь чемнибудь черное его раздумье; его предупредили перед отъездом о постигшей Скутаревского катастрофе. И, вот, как бы отдавая дань вежливости, Сергей Андреич смотрит в окно и сперва видит в черноте стекла только блестящие пуговицы проводника, устанавливающего стаканы. Потом он различает огоньки в снежных полях, клубы темных кустарников под насыпью и снег, снег: накануне пронеслась метель. И, точно в порядке обмена вежливостью, каждый думает друг за друга. Желладалев думает, что взгляд Скутаревского направлен в сторону его вороньейской родичи: там, в уездном городишке, еще стоит, наверно, скорнячный домик и на березовой окраине, под круглым дешевым камнем лежит отец. Скутаревский вполне согласен: прекрасная ночь для обходного, паступательного маневра! И, действительно, небо было на редкость черное для конца зимы.

— Откуда вы знаете Кунаева? — слегка наклонившись вперед, спрашивает Сергей Андреич.

Тот улыбается, и ему видны его крупные, кое-где в волово одетые зубы.

— Он был военкомом той бригады, которой командовал я. Это давно, еще на польском фронте. На всякий случай мы не порываем связи! — Его непривычный уху акцент придает великолепную значительность его речи.

— Великолепный экземпляр человека! — говорит Скутаревский.

— Настоящий пролетарий, — на свой язык переводит его спутник, и ему, видимо, приятно говорить о друге с таким известным человеком.

Скутаревский думает вслух:

— Странно: поезд идет, мнутся какие-то баснословные полустанки, а мы так мало знаем про отдельные части паровоза, который нас везет. Кунаев!.. он так всю жизнь и пробегает в своей кожаной куртке. Чорт, и не холодно ему?

Спутник смеется:

— Нет, он привык... он любит холод. Текущей зимой товарищи, шутки ради, на съезде подарили ему вскладчину полушубок, и через неделю он опять...

— Пожалуй, это и правильно: надо, чтоб человеку было неудобно, — тогда он ищет.

— ... было племя в Средней Азии, Таа-зы. Они надрезали ухо себе перед битвой, чтоб быть яростней. Повидимому, это будит злость...

Так, приятно поговорив, они мысленно снова разбредались в разные стороны. Оба глядели в окна, и, хотя указывали мягкие штофные сиденья, вовсе не хотелось спать. В продолжение целой полуночи оба видели за леском перебегающие на облаках клочковатое зарево: дружным костерком полыхала где-то недалеко деревня, но ни один не обмолвился ни словом. Опять текла в окно однообразная полоса древесных насаждений, и Сергей Андреич снова возвращался к своей горе. Соместив с нее

выходило не очень величественным. А может быть, следовало идти в комсомольский клуб и в полупустой, прокуренной комнате читать сверхурочные лекции по молекулярной физике?.. или попросту освободить свое высокое место для недоучек, гордых победами отцов и собственным происхождением?.. Или, наконец, в п. дражанин Арсению? Так описан был рецепт перерождения в серенькой, безграмотной книжке, что валялась рядом, на диванчике. — Кстати, отчаянья об Арсеньевой гибели не родилось в нем с самого начала; томил лишь предчувствие каких-то новых несчастий, которые не ходят в одиночку. Но позже, после долгой вагонной езды, схлынуло и оно; только черная тень как бы от громадного каменного облака неотступно висела над ним в пути.

— ... выйдем на станцию, профессор? Погуляете... а я тем временем ругану кого следует за опоздание.

Желтый, скучный свет, налитый в круглую склянку, сочился на обширные сугробы; чернотой был завален ими. Снегопад еще продолжался, но хлопот стало необильное, мокрое, — последние остатки сыпала из кузова своего зима. Беззвездная тишина куполом обступала станцию, повсюду, вплоть до красного семафорного огонька, пространство было затоплено мужиками с лопатами и в лаптях. На соседнем пути ждал очереди другой поезд, также застрявший из-за заносов. Люди с окаменелыми от сна лицами проворно сновали от поезда к вокзалу и обратно, таща что-то в бумажках, бутылках и чайниках. У каждого была в этой ночи своя суровая дорога, — ни один даже не оглянулся на девочку, которая отбилась от матери и плакала на высокой стеклянной ноге. Рядом с нею стоял транспортный, в долгополой шинели, чин; он поглаживал маленькую по голове и любознательно поглядывал на бесстрастного иностранца, который торжественно нес куда-то в неизвестность рыжий чемодан, оклеенный ярлычками заграничных отелей. Тот был румян, молод, застенчив, совсем щенок; бесстрастность ему удавалась плохо; поля его мягкой шляпы загибались, как кудри. Сбоку его вибрировку бежал волосатый, местного происхождения дед, в мохнатой шалке, которая служила как бы естественным продолжением самого лица. Он совал в руку иностранца грязную, полуистлевшую записку — прочесть. Никто не вступил в этой занятой двойкой да, пожалуй, и некому было в суматохе, кроме одного старичка в укромном уголку близ багажного сарайчика. С напыщенным и сомнительным благородством он держал в вытянутой руке серую пенсионную булку; почему-то верилось, что, если бы выплыть неподвижную, в рваной варежке, руку, булка осталась бы висеть, накрепко примороженная к этой точке пространства.

Скутаревский шел неторопливо, вразрез привычке, точно производил смотр этой голой ночной правде. Булка в рваной варежке привлекла его внимание:

— Алло! — сказал он, останавливаясь, потому что имел достаточное времени.

— Change pour le savon, — шершавым, простуженным голосом ответил старик и глядел мимо, на проплывающий чемодан иностранца.

— А деньгами принимаете? — почтительно поинтересовался Сергей Андреич, тронутый то ли пронзительной нищетой, то ли редкостной лодырной разнообразностью.

И уже шарил по карманам мелочь, когда дернули его за локоток. Он обернулся с недоумением, которое рассеялось не сразу. Трудно было после долгой разлуки

признать этого усатого здоровяка в тулупчике нараспашку. Ясно, он был тоже не из здешних; ясно, он был из соседнего поезда; он испытующе взирал на Скутаревского, и под дремучей бровкой его теплилось смешливое, хитрецовское лукавство.

— Пойдем, Сергей Андреич!.. это жулик. Тут разведки большие идут, руду ищут, иностранца много, — вот на них он и схотится. Он и на прошлой неделе тут стоял, только тогда толстая книга у него была. У него здесь двое ребят работают... Бывший, негодный человек он, — пойдем! — И смеялся, смеялся, темпаша недоумевым Скутаревского. — Ты меня, Сергей Андреич, всегда в одной коже да в бороде видал, вот и не признал сразу. Пойдем, я чайком тебя угощу. Чай у них, надо сказать, местного производства, но ведь горяченькое... Огонь-то везде греет!

Было невероятно — вместо предбанника встретить здесь, в черноземном хаосе, Матвея Никенчу, соучастника многих бань, в римском стиле, бесед. Но тот, вчерашний, был иконописец, почти отшельник, и по неповоротливости разума объяснял лишь тезисами, которыми и действовал словно топором: бывало только щепка от него летела, да и маловато бывало пользы от топора. Какая-то решительная подмена произошла в нем за зиму, — слова у него рождались легко и звучно, точно пересыпаемое зерно; приятна была его горячая, без тени кумовства, радость, с которой он подошел, и, когда распаивался на нем незастегнутый тулупчик, обнаруживалась ластиковая рубаха, вся в мелких нарядных цветочках: только птичий песни и недоставало на ней. И, наконец, вовсе уж примечательно было, что, вот, бывший банщик ведет в буфет общеизвестного физика, чувствительно поддерживая под локоток.

— Слышал про тебя, Матвей Никенча. На высокого коня вскочил!

— ... а баньки-те жалко: у воды всегда иривольнее. А вот, произошло, послали подшефный колхоз проведать! — щебетали птички, что прятались где-то в Матвее Никенче. — Музыку им привез, радио, книжки...

— Ну, и как на проверку?..

Матвеева ладонь оторвалась от рукава, и профиль его стал сломанным, сумрачным, сердитым. Из-за угла ветром ударить стало на платформу; Матвей застегнулся на все крючки, и сразу умолкли в нем птичьи хоры.

— Разно, милый, разно. Дураков честных много развелось. Пронеры не страшны, его видать, и пятерня сама к нему, как к магниту, тянется, а честный — спрятанный. В день, как уезжать, трусики в кооператив привезли, черные и в розовую полоску. Это накануне-то сева! И ни гвоздя, ни сахаринки на всю округу, одни только трусики... малость покричать еду в столицу.

— И вдруг перечислять принялся скучные, темные цифры невыполненных процентов, а Сергей Андреич слушал с жадным, сконфуженным вниманием. И не то поражаало его, что Матвею интересно все то, чего сам он трусливо сторонился, а — то, что по своей воле убежал из надменной дикарской пустыни в самую толкотню сложнейшего социального маневра. Он шел и улыбался, — может быть, в ответ мыслям своим о великом одиночестве человека на земле. И всегда так бывало: жизнь оказывалась хитрее его предположений, и, даже зная механику и расстановку участвующих сил, он никогда не умел предсказать подробности последующей минуты. «А Лаплас-то, все-таки, диалектики и не нюхал...»

Жизнь никогда не упрощается до параллелограмма!*

Они выбрали место у стены, выкрашенной диким первобытным колером и сплошь в отеках сырости. Тотчас Матвей Никенч убежал за обещанным угощением. Шумно было, как парочко, и в шуме этом приглушенно мерцал дребезг комендантского звонка, когда открывали дверь. По полу, густо заслеженному снегом, струился мокрый холодок: в дверь поминутно входили. Скутаревский огляделся, — кабинетного человека, его всегда отпугивала открытая простонародная жизнь; да и теперь давалась ему трудно кренкал, настоянная новизна ощущений. — За соседним стоком, в углу сидела плотницкая артель. Их было пятеро. Тяжелая ремесленная упряжь — монументальные фуганки, скобели и пилы в берестяных чехлах — вросла, казалось, в их серое бывалое тряпье. Суровая праздничность лежала на их лицах, — с такими когда-то при царях пешеходило на богомолье неграмотное российское племя. Бородач из них был лишь один, наверно — самый смиренный и пуганный. Селедка, по штучке на брата, красовалась на столе, замкнутая в сторожевой круг из пяти стаканов. Они ели, рвя ее прямо руками и зубами, и терпеливо запивали ситром... Имелся там и шестой, по стакану на него не было. Он был чужак, бывший человек, им заведомо пренебрегали. Старинная, еще диагонального сукна, поддевка носила на себе печальные следы хозяйников скитаний: почевать ему, видимо, приходилось где попало. Весь он был явно гиблый, и один только валенок с калошами, которые невыразимо сверкали резиновым лаком, могли служить предметом зависти.

Он сидел грустный, кося нетрезвый глазок на соседей, эпическое спокойствие которых возмущало его. Время от времени он сдергивал с головы лепешистое подобие копки с жокейским козырьком и, щелкая ею по краю стола, требовал себе внимания.

— ... и вот, скажем, продал я доктору Саломатину последние полпуда масла, а дальше? Многоуважаемые люди, что со мной будет дальше? Кончина... но я не хочу! И отродясь мне не везло: други мои все жулики, папа мой погибнул от продолжительного туберкулеза, и фамилия моя с неприличной буквы начинается. Одна мама только и осталась у меня: глядите, жулики!

Вехливая, он тащил из кармана заерзанную фотографию пожилой и дородной женщины, в кофточке на выпуск и с полнокровным добрым лицом. Карточка не сразу просовывалась из рваного кармана, и это обстоятельство будило в нем пьяную досаду. Мужики безразлично глядели на его маму, передавали соседу: один пробормотал под нос себе: „И-да, возразить не имеем... мама и есть!“ Другой просто попробовал картонку ноготком, — картонка оказалась жесткая. Карточка обошла полный круг и улеглась на краю стола, никого не взволновав. Плотники сидели без движения, точно боялись растратить попусту за-

готовленные для работы силы. Только один, самый рослый и щетинистый, уговорчиво откликнулся ему:

— Да нам не надо, что ты говоришь-то, не надо. Нужен ты нам, как плешивому гребень, пра-а! И чего ты бьешься, опоздалый ты в жизни человек? Плотники мы, на Магнитку мы едем. У нас вся волость там, во! — И, поразмыслив над судьбой опоздалого человека, прибавлял тихо и настойчиво куда-то в самое темное человека, усаженного редкими розовыми волосиками: — Продай бы ты валенки-то, милый ты гражданин: куда тебе такая роскошь, пра-а...

Тот не отзывался, и тогда круговой, скупой — точно стоил денег, начинался разговор; так на зимнем ветру шуршат сохлые листья:

— Сказываю: гора лесом поросла, и изпод ей берут железо.

— Машины деверь пять сот заработал. И гармонь трехрядку! — нежно, как свирель настуха, пел другой.

— Там уж не подремлешь, — глухо и угрожающе прибавлял третий, щупая окоченелую ветку туи, что стояла тут же в кадучке. Он понюхал пальцы и досказал злое: — и вода-то, поди, ржавая от железа?

Четвертый, что беспокоился о валенках, погибающих зря, отзывался с созерцательской усмешкой:

— Чудно, огромные миллионы, и все спешать, даже блоха, конкретно, шибче кусать стала. Это тоже хоти!

Пятый, в бороде, ершился, поправлял пилу, и без того накрепко, до боли привыченную за спиной, и конопатый носик его заметен белел от волнения.

Скутаревский развернул было газету, но тут вернулся Матвей, нагруженный черствыми прошлогодними яствами: самоубийственно было бы поглотить и половину их, но, должно быть, расточительная радость встречи одолела прочие соображения. Едва они принялись за дело, снова уже не без буйства, затормозился гражданин в диагональной поддевке. Сергей Андреич с любопытством обернулся: чем-то напоминал Штруфа этот человек, — один и тот же цвет был у этой горелой человеческой трухи... Вызревал в нем поглощенный хмель и, видимо, фининспектор приснился ему за краткое мгновение дремоты.

— Эй, вы, скоты!.. Вот он я, дивуйтесь, последний непман на нашей паршивой земле. Один торчу, как на песке былинка... Эй, почему сподохло не бьет? Где, я вас спрашиваю, где Гаврилов Петр Савельич?.. Где Букасов Ганя и его бесценный товар на семь тысяч довоенным золотом? Сожрали... скоты вы скоты! Ну, до мово не доберетесь, крепко спрятали. Ага, молчите, пришибло? Вот, я ухожу от вас, и отныне станете вы жрать маргарин по карточкам, купидоны вы сукины дети!

И опять никого не затронула его ругань; кстате не шибче пошота звучал в общем грохоте подшибленного его голосок. Но что-то темное и жесткое мелькнуло в лице Матвея Никенча и тотчас растворилось в

кроткой, даже в восхищенной усмешке. Консервная коробка, которой хотел он заняться ввиду отказа Скутаревского, так и осталась стоять с воткнутой в нее вилкой.

— Ишь ты, — покачал он головой, как бы преклоняясь перед мужеством такого небывалого удалца; снова великое множество птичек проснулось в его голосе, но теперь птички были железные и с зубами. — Живешь ты и ничего не страшишься. И где ты обитаешь, такой веселый... в гости бы к тебе побывать.

Тот хохотал:

— ... живу. В крепости обитаю. Наезжай, выпьем! У села Люксбургова хуторок в лесу, знаешь? Богданов я, слышал?

— Ишь ты, Богданов! Как же, как же... — уважительно бормотал Матвей и огрызком карандаша, который вдруг родился в заскорузлой раковине его ладони, записал что-то в книжечку. — Люксбургово... это в Ульяновском районе? Очень хорошо. Ну, запасай угощение, приеду...

Но писал он еще долго, плохо владея непривычным инструментом, а тот следил растерянно за кривыми строками, прыгавшими по мятому листку. Мужики глядели в сторону: они были не при чем, они ехали на Магнитку... Значит, так и не суждено было на этот раз побеседовать о высоких предметах; едва успели наладить прерванный разговор, подоспел Джелладалеев, — поезд их отправляли вне очереди и через две минуты. Матвей побежал проводить их до вагона. И, как только поднялись, гражданин в жакейской кепке резко побежал сбоку, хватая Матвея за рукав и умоляя вычеркнуть из книжечки: разом протрезвила его трусость. Не ведал он ни имени, ни чина этого молодежавшего старика, но востину страшна была в его положении любящая сделанная про него запись. С вытаращенных губ его летели какие-то изуродованные паникой слова и, наконец, очень неожиданная формулировка, что, кроме всего прочего в жизни, является он *детским отцом*.

— Да не проси, приедем!.. — отмахнулся от него Матвей Никенч: и уже у самого вагона в последний раз взглянул Скутаревскому в глаза: — племяннику ничего про меня не рассказывай. Пушай ране времени не ездит...

Поезд двинулся, Матвей Никенч проводил его пристальным, хозяйственным взором. Когда он обернулся, никого уже не было: возможно с высунутым языком мчался он на хуторок перепрятывать свои сокровища. Неторопливо Матвей вернулся к опустелому пирушеству. Плотники еще сидели. Кучки обсосанных селедочных костей лежала на фотографии непмановой мамы; они закрывали ее целиком, и только руки мамыны виднелись из-под обедов, обрядно сложенные на животе, как и полагается мертвецу, и сбоку уже кралась к ней желтоватая лужица ситро...

Матвей Никенч обмерил плотников глазами, — те сидели выжидательно и терпеливо.

— А ну!.. уехал мой гость. Большой головы человек. Малому у нас особого поезда не дадут. Ну, садись доедать, ребята...

А. Гидаш, А. Фадеев, Матэ Зална, Н. Федин, Марк Колосов, В. Герасимова, Мих. Кольцов, Ст. Щипачев, Ал. Дейч, Ал. Гатов, Эмиль Мадарас, П. Павленко, Ефим Зозуля, Эми Сяо, Бруно Ясенский, Б. Левин, Джон Дос Пассос, Андор Габор, Эрих Вейнерт, Мих. Лучанский, Вс. Игачов, В. Слепцов, Л. Леонов, Ис. Зарубин, Я. Смеляков, М. Зингер, Л. Славин, В. Гусев, В. Горбатов, Е. Габрилович

вышли в библиотеке „Огонек“

Пасс левого инсайда

Повесть В. Борахвостова* Рис. Л. Генча.

Портной тяжело вздохнул. Это как раз то, что ему сейчас очень нужно. Но где теперь достать такую книгу? Как хорошо можно было любить раньше! К твоим услугам целая литература! Полный курс лекций о любви! Библиотеки любовных справочников! Издательства руководств по любви! И за каких-нибудь полтора рубля дают двести секретов и четыреста советов по любви! Подумать только! Даже голова кружится!

Расстроенный портной с сердцем, полным чувств к Кате, лег спать. Он снял с себя все белье, чтобы оно напрасно не терлось.

Ката

На утро он был несказанно удивлен. К нему пришла Катя. Оказывается она решила сшить себе комбинезон для работы, по примеру рабочих Запада. Портной с радостным волнением вытаскивал груды журналов и разложил перед Катей.

Знакомство состоялось. Портной пожимал ее глазами. Подавляя вздох и нетерпеливо покашливал, прочищая горло, чтобы что-нибудь сказать. Но не сказал: боялся наговорить какой-нибудь чепухи.

Выбрав несколько эскизов комбинезонов, Катя попросила разрешения взять их с собой. Портной, несмотря на всю свою немецкую бережливость, граничащую со скупостью, радостно согласился, хотя где-то, на дне души у него томительно щемило: „пропадут журналы“.

*Продолжение; см. „Огонек“ №№ 32 и 33.

От портного Катя зашла в парикмахерскую.

В это время в парикмахерской брилась вся моя команда, чтобы выступить на футбольное поле аккуратно выбритыми.

Мишка—пятнадцать костюмов, увидя Катю, чуть не перерезал бритвой горло Митьке-Обзовису, которого он в это время брил в благодарности за вчерашнюю контрамарку. Увидев входящую Катю, Мишка—пятнадцать костюмов столкнул Митьку-Обзовиса с кресла с неубритой, густо намыленной правой щекой и предложил Кате занять место вне очереди.

Мишка—пятнадцать костюмов рассыпался перед ней в любезностях. Он кричал на уборщицу более строго, чем обыкновенно, чтобы показать свой вес в парикмахерской.

Катя пришла завиться и побрить затылок. Мишка—пятнадцать костюмов моментально принялся за дело. Прикасаясь к голове Кати, он гордо оглядывался назад, где сидела ожидающая публика, с благоговением рассматривающая девушку-инженера. Мишка—пятнадцать костюмов своим гордым взглядом хотел сказать:

— Вот смотрите-ка, я трогаю ее за голову—и ничего. А попробуйте ка вы?

И он довольно улыбался. Он даже больше может. Он может приказывать ей. И он говорит:

— Поверните голову направо.

Катя поворачивает. Мишка—пятнадцать костюмов оглядывается на публику. Все преклоняются перед его силой. У всех завистливые глаза. Тогда Мишка—пятнадцать костюмов приказывает Кате:

— Поверните голову налево.

Катя поворачивает. Мишка—пятнадцать костюмов опять оглядывается на публику и широко улыбается.

— Каково!—говорит его улыбка.

Наконец, Катя завила и расплатившись уходит. Мишка—пятнадцать костюмов поражен в самый центр сердца. Но ее уходе он снова усадил добивать Митьку-Обзовиса, но руки как-то не слушались. Он его несколько раз порезал. За это Митька-Обзовис пригрозил расплатиться с ним, когда они встретятся на стадионе.

Мишка—пятнадцать костюмов, направляя бритву, задумчиво смотрел в окно. Он думал, чем бы ему обратить на себя Катино внимание. Он помышлял о письме. Но писать он совсем не мог. Все его письма получались вроде этого:

Здравствуй, милая Натуся!

Мне хочется освежить-с вас в своей памяти-с. Бритва моей несчастной любви-с бреет мое сердце-с, заросшее чувствами к вам-с.

Приходите ко мне, я сделаю вам Специальную стрижку дам.

И заканчивал:

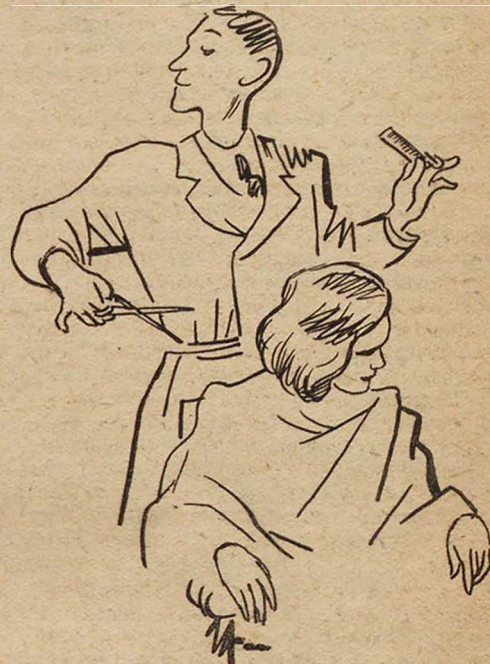
— *Подайте прибор!*

Зная свои недостатки, он письма писать не стал, а с этого дня начал стараться почаще вертеться на глазах у Кати. Авось и заметит. Днем, когда в театральном саду не было ни одной души, кроме инженеров, пришедших в ресторан сада обедать, Мишка появлялся в самом лучшем своем костюме. Пройдя мимо Кати, сидевшей за столиком, он уходил вглубь сада и, перелезши через забор, бежал домой переодеваться. Через несколько минут он возвращался в сад уже в другом костюме, не

менее щеголеватом. И так несколько раз подряд. Пока Катя уходила.

В конце концов он своего добился. Катя его заметила. И они познакомились.

А Степка-Гегель решил написать письмо в диалектико-материалистическом духе.

Стрижет Катю с гордым видом

Он начал так.

О! Объективная реальность, данная мне в ощущениях. О! Субстанция души моей! О, мера всех вещей и бесконечная протяженность моего чувства! О, непознаваемая вещь в себе.

А потом разразился стихами:

Эти формулы
страшно мертвы.
(разлагаются
в скобках подробно).
Знаю я: эта линия —
Вы —

Это Вы,
Катерина Петровна.
Жизнь прочерчена
острым углом,
В тридцать градусов
пущен уклон,
И разрезан
надвое

Вами,
о биссектриса моя!
Как точна
готовальня лица,

Где на бархате
боль улеглась,
Где мигания хорд
без конца

Метит секторы
циркулем глаз.

Я ж почти
приближаюсь к нулю,

Степан
Владимыч
Сухих,

Алешка-Конгломерат на подоконнике смотрит на Катю

АВС

закричит

От инициалов
таких!

А когда
я изогнут дугой, —
Неизвестною

точкой маня, —
Вы проходите

дальней такой
По касательной

мимо меня...

Вот почти
одинаковы мы,

Только буквы
и знаки не те...

Видно

двум

параллельным прямым
Не сойтись
никогда и нигде!

Колька-помощник смерти тоже решил прибегнуть к письму. Он заперся у себя в передней, сказав матери, что садится писать научный труд о флюсе, и начал:

Прекрасная незнакомка!

Я жажду быть с тобой, души твоей я жажду, твоей любви, привета твоего хочу. Ты для меня, что дождь весенний для полей. Что солнца яркого лучи земле обильной, нужна ты мне, как воздух ароматный всему живому нужен.

Ты душу молодости, ты силы обновляешь, оазис размах труда, питаешь чувством разум. Ты мысли заостряешь и к творчеству зовешь. Ты тот родник живой, откуда жизни влага ключом бурлит и дремлющие нивы заливаешь. Ты тот рычаг могучий, что бодрость может дать, что смелость порождает, упорство придает и сталью волю за алкает.

Но стань ты чужим мне, но будь любимой мной, сумей быть солнцем призывным. Проникни в тайники души мятежно-гордой, пойми всю мудрость создающей любви.

Люблю тебя я нежно, мечты свои, стремления, идеалы люблю еще нежней. Ты душу молодости, ты силы обновляешь, ты бодрость придаешь. Лучиста ты, солнечна, дивна, многозвучна.

Душевные силы готов давать любви я много. Идейных жертв нести я не могу. Не нужно жертв, и не жаль и уступок, не жди побед, не трещи о пренебрежении.

Хочу любви — могучей, умной, и жажду жизни яркой, гордой, хочу я чувства, хочу любить и уважать. Люблю тебя.

Так будь той женщиной, той жрицей будь. Не отражением чужого блеска и не укладкой своей души. Ты тополь гордый, ты оук мятежный. Умей гореть, умеи стремиться, дерзай умеи, умеи хотеть.

А я горю, стремлюсь, дерзаю!

Примите мои уверения — в совершенном к вам почтении, глубоко уважающий и проч.

Николай Васильевич

Скороспелов

А Митька-Обзовись решил прельстить Катю своей машиной. Куда бы он ни ехал, обязательно заезжал в сад, где Катя любила в свободное время читать книгу. Приближаясь к саду, он принимался оглушительно наигрывать на груше, хотя на дороге, кроме воробьев, копошащихся в лошадином навозе, никого не было. К воротам сада он подлетал полным ходом. С шиком делал на полном ходу поворот и подвозил машину вплотную к тротуару.

Выйдя из машины, проходил петухом мимо Кати в красной киоск. Выпив «дедушкиного кваса» (за три копейки кружка), он так же безразлично возвращался к машине и первым делом принимался за грушу, якобы пробуя, — работает сигнал или нет, — хотя при этой машине сигнал вообще был лишней принадлежностью. Ее грохот при езде был слышен на три квартала вокруг, да и пешеходы были редки, как зубы старухи.

Митька-Обзовись держал себя безразлично по отношению к Кате, потому что все девушки города только и мечтали о нем. Главное, конечно, не он, а его машина. Он может и покатасть на автомобиле на зависть всему городу, и с базара подвезти к дому. А то и по стени прокатить.

Письмоносек Колька-Пузырек, принесший Кате письмо Степки-Гегеля, тоже обладал увлекающейся натурой. Взглянув только один раз в глаза Кати, он почувствовал, что по его телу прошла электрическая искра и застряла где-то в пятках. У него в ботинках под пятками лежали пробочные подкладки в вершок толщиной. Он их подкладывал для увеличения своего роста, за который его и прозвали Пузырьком. (А пробка, как известно, самый лучший изолятор).

С этого момента у него явилась потребность видеть Катю как можно чаще. Но писем ей никто не писал. Кольке-Пузырьку пришлось уговаривать своих приятелей, чтобы они написали ей что-нибудь. Но никто из них не хотел тратить понапрасну деньги на марку. Тогда Колька-Пузырек вызвался отнести письма без марок, а почтовый штемпель для «отвода глаз» он будет проставлять сам. Но ребята и от этого отказались. К чему? Все равно работа впустую. Колька-Пузырек решил написать сам и как-нибудь пооригинальнее, чтобы заставить ее смеяться.

Он начал так:

И почему ты до мене не обращаешь внимания?

И кончил:

Жизнь моя, иль ты приснилась мне?

Как будто я весенней гулкой ранью

Проскакала на розовом коне.

— *Куда же он в такую рань проскакал на розовом коне?*

— *Куда? Известно куда скачут по утрам. В уборную.*

А на конверте написал.

Ступенчатая улочка, домик № 24, квартирочка 18. Получить Катюше.

Принеся письмо, он понял, что именно в глазах Кати он нашел свой приговор.

Выйдя от Кати Колька-Пузырек заключил, что досыта не насмотрелся. Решил зайти еще раз. Но для этого нужен был предлог. Он написал второе письмо. Для

оригинальности с обратной стороны конверта приклеил сургучем гривенник и написал:

— *Письмо написано согласно постановлению Наркомпочтеля, опубликованного в «Известиях» от 14 ноября.*

Придя вечером к Кате, Колька-Пузырек смутился и, не отдав письма, выскочил на улицу. Постояв около входа, он собрал всю свою силу воли и снова полез на второй этаж, где помещалась квартира Кати.

Катя в это время работала над проектировкой. Увидя опять Кольку-Пузырька, она удивленно подняла брови. Колька-Пузырек откашлялся, хотел что-то сказать, но промолчал и, сунув письмо, выскочил на улицу.

Против дома, где остановилась Катя, проживал наш голкипер Алешка-Конгломерат. Из его окна прекрасно была видна вся внутренность комнаты Кати.

Алешка Конгломерат, открыв этот секрет, тщательно скрывал его от нас. Вечерами он забирался на подоконник и жадными глазами смотрел на работающую Катю.

Колька-Пузырек, как-то вечером гостюя у Алешки-Конгломерата, тоже открыл этот секрет. Но попросить сейчас у Алешки-Конгломерата разрешения посмотреть из его окна на Катю Колька-Пузырек не решился, боясь насмешек со стороны ребят, которым Алешка-Конгломерат не преминул бы рассказать.

Но на Колькино счастье около окна Кати растет огромный дуб. Забравшись на него, Колька-Пузырек стал наблюдать.

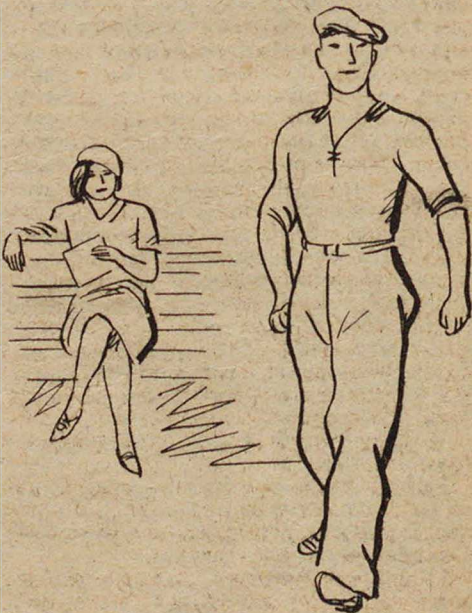
Катя сидела и чертила.

К дереву, на котором сидел Колька-Пузырек, подкралась чья-то тень и с такой решительностью полезла на него, как будто у этой тени на дереве, специально для нее, было забронировано место.

Судя по тому, как дерево сотрясало, можно было предположить, что лезет огромный дитина. Когда же тень попала в полосу света, падающую из окна второго этажа, то Колька-Пузырек узнал Васюку — и его притоки, нашего первого бека.

Колька-Пузырек притаился, прижавшись спиной к стволу дерева. Васюка — и его притоки забрался и, усевшись поудобнее, затих.

Через несколько минут появилась вторая тень, потом третья и, наконец, четвертая, которая оказалась Степкой-Декадентом.

Митька-Обзовись идет петухом перед Катей

Влезая на дерево, он наткнулся в его густой листве на тень, пришедшую до него, которая обеспокоенно заговорила:

— В 1917 году, когда рабочие и крестьяне..

Ребята не удержались и прыснули со смеху.

Катя, привлеченная смехом дерева, взглянула в окно. Ребята замерли. Потом, когда Катя снова принялась за работу, они один за другим стали спускаться. Когда спустилась вторая тень и в ней ребята узнали меня, то расхохотались настолько оглушительно, что чуть не посыпались стекла Катинного окна. Степка-Декадент сквозь сме сказал:

— Сборная команда состязается.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой любовь имеет если не потусторонний то потусторонний характер

Собираясь оставить комнату Алешки-Конгломерата и бежать, как можно скорее, на стадион, я нечаянно взглянул в окно и застыл пораженный.

Из окна очень хорошо видна комната Кати, живущей напротив.

Катина комната сейчас вывернута солнцем наизнанку.

Вещи противоположной стороны видны лучше, чем ближней.

Открывается дверь ее комнаты и входит мужчина. Я остолебенел: это Митька-Обзовись.

Физиономия Кати расплывается в улыбку. Митька-Обзовись подходит к ней, пожимает руку и оба скрываются за стеной. Потом торопливо падает гардина, как театральный занавес.

— Э-э! — сказали мы с Петром Ивановичем, — подумал я.

Я вышел на улицу и мысленно стал грозить Митьке-Обзовись:

— Ну, подожди же, задрыга, уж и поработаем же мы тебя за срыв матча с

колхозниками. Да еще за такую причину срыва, — как любовь.

Тут у меня, очевидно, заговорил шкурный интерес, потому что я на бегу стал уже проектировать показательный суд

над Митькой-Обзовись, как над срывщиком матча, имеющего общественно-политическое значение.

Я на-бегу вспомнил об одном таком суде над комсомольцем, Пашкой Петровым, сорвавшим кампанию по вовлечению в ячейку Автодора.

Он шел делать доклад и по дороге встретил свою приятельницу Зивку. Она попросила его зайти к ней на минутку, и эта минутка растянулась на протяжении четырех часов. Собрание, не дождавшись доклада, разошлось.

Одним из защитников вызвался быть Сережка Томили. А другим мы назначили Алешку-Конгломерата. Общественным обвинителем Лельку — все для транспорта и ее помощником Ваську — и его притоки.

Суд был срепетирован утром, а вечером ребята собрались в клубе. Председательствовал Митька-Обзовись.

Он приказал ввести обвиняемого. Папку ввели. Он краснел и смущенно опускал глаза в пол. Девчата хихикали.

Митька-Обзовись, войдя в роль председателя, сурово спросил:

— Гражданин Петров, знаете ли вы, какое вам предъявлено обвинение?

Пашка еще ниже опустил голову и еле слышно ответил:

— Да.

Митька-Обзовись встал и начал читать обвинительный акт.

Обвинительный акт был составлен длинно и скучно. После получасового чтения ребята стали скучать. Их раздражало нетерпение услышать слово обвиняемого, а Митька-Обзовись томил чтением обвинительного акта, как будто нарочно затягивая время.

Окончание в след. номере

Из прошлого

Кирилл Левин

Ветер шумел в лесу. Скрипели сосны. Полк растянулся длинной, ржавой цепью. Когда входили в город, заиграл оркестр, офицеры скоандовали дать ногу, и удары тысячи сапог о землю гудели, как удары большого молота. Проходили мимо Бардыгинской фабрики. Из чугунных резных ворот несколько городских в черных шинелях с толстыми красными шнурами, тянувшимися от шеи к револьверной кобуре, вывели арестованных рабочих. Высокий парень в русском картузике шел первым. За ним прихрамывая, мелкими шагами почти бежал трезвый старичок в железных очках. Третьей была женщина лет тридцати в коричневом с цветами платке, круглолицая, со свежим кровоподтеком на правой щеке. Городовые остановились, чтобы пропустить солдат, и несколько рабочих подошли к воротам. Один из них быстро побежал к фабрике, и, пока проходил полк, толпа вокруг арестованных рабочих выростала и волновалась все больше. Женщина в ситцевой юбке всплеснула руками и громко закричала:

— Манюшку, Манюшку нашу ведут, — братцы, что же вы смотрите?

Рабочие стали надвигаться, они окружили городских и напирали на них, и старший городской, ругаясь, взялся за кобур, тревожно поглядывая вокруг.

Подпоручик Руткевич, молодой, щеголеватый офицер с гвардейской выправкой, бросился к рабочим.

— Марш отсюда, — крикнул он, — марш, хамы. И ножнами пашки он толкнул пожилого рабочего.

Городовые быстро вывели арестованных за ворота. Руткевич кричал, повизгивал и брызжа слюной. Солдаты, опустив глаза, с мрачными лицами проходили мимо. Разговоры в их рядах затихли.

Казармы были расположены на краю города. Их задние стены выходили на большой развороченный пустырь, за которым тянулся холмистый дуг. За лугом темнели резные вершины леса.

Занятия часто происходили на пустыре. На полевых занятиях разбивались на отдельные отряды и заходили довольно далеко, к лесным красивым полянкам, таким диким и нетронутым, что нельзя было представить, что в двух верстах отсюда находится грязный, запущенный городишко с мощенными улицами, керосиновыми фонарями, вонючими помойками и тюрьмой, самым высоким зданием в городе, видимым издали.

Но молодых солдат обучали отдельно от старых в коридоре казармы. К Карцеву и Самохину назначили старшим Филиппова, солдата призыва одиннадцатого года, у которого через два месяца кончался срок службы. Филиппов был беспокоен, ему казалось, что он не дожидается выхода в запас, и со своими учениками занимался рассеянно. Он подтягивался только тогда, когда приходило начальство. Тогда щеки у него деревнели, глаза заплывали свинцом, и он твердо и

резко показывал и говорил, покрикивая и сердясь, так как другого метода обучения он не знал за все время своей солдатской службы.

Ему дали и третьего ученика-грузина Чухрукидзе. Чухрукидзе прибыл в полк на два дня позже других. В косматой бараньей шапке, смуглый и горбоносый, он сидел посреди коридора на своем сундучке, закутавшись в бурку, и был очень похож на хищную птицу, нечаянно залетевшую в чужие места. Дежурный по роте приказал Чухрукидзе встать, но тот исподлобья посмотрел на него и покачал головой. Он не понимал ни слова по-русски. Дежурный грубо взял его за плечо. Грузин вскопился, выткнув руку, что-то энергично сказал. Дежурный хмуро смотрел на него, вокруг виднелись чужие лица. Поблескивали в пирамидах темные иглы штыков. Портрет царя смотрел оловянными глазами. Чухрукидзе сгорбился и взял вещи. Утром его остригли и одели в солдатский мундир. И теперь, похудевший, непохожий на себя, стоял он перед Филипповым и мрачно смотрел на него. Филиппов не был жесток. Но он отвечал за Чухрукидзе. А тот ничего не понимал в его объяснениях и, мучительно морща низкий лоб, кусал тонкие губы. И Филиппов зверел, ругался и подносил кулак к лицу новобранца.

— Нельзя тебя, сволочь, не бить, — в отчаянии кричал он. — Ну, повторяй за мной в последний раз.

7

Но грузин не мог повторить ни одного слова, его ухо не воспринимало чужие непонятные звуки, и Филиппов бил его. Тогда Карцев посоветовал взять на помощь старого солдата—грузина. Нашли Махарадзе, солдата двенадцатого года, но фельдфебель запретил, чтобы он обучал Чухрукидзе.

— Ты что тут,—говорил он Филиппову,—хочешь грузинскую армию создать? Русский солдат должен знать только русский язык. Под суд хочешь? Еще раз такое узнаю, доложу ротному командиру.

Филиппов хмурился и таялся перед Егоровым. Он не понимал, почему нельзя было учить грузина так, чтобы тот понимал учителя, но он слишком хорошо знал жизнь казармы и не возражал фельдфебелю. Желая избежать неприятностей, он все же тихо попросил Махарадзе подучивать молодого грузина, но так, чтобы этого никто не видел.

Карцев и Самохин учились. Карцеву военная наука давалась легко. Сильный и хорошо приспособленный к работе, привыкший на заводе к дисциплине, он быстро усваивал уроки Филиппова, знал, как надо убирать живот при команде «смирно», как поворачиваться через левое плечо, как в два темпа останавливаться на марше, когда командуют «стой!». Он купил книжку Березовского—«Первый год обучения солдата»—и ознакомился по ней с главнейшими положениями солдатской мудрости.

Самохину все это давалось гораздо труднее. Он плохо запоминал то, что говорил Филиппов, выправка у него была никудышная, и живот торчал, как избушка брюхо деревенской лошади. Он со страхом смотрел на Филиппова, своего ближайшего начальника, в котором все же еще улавливал что-то понятное и знакомое. Но взводный командир Машков возбуждал в нем ужас. Когда он приходил с медным, точно начищенным лицом и смотрел на Самохина, у того дрожали ноги, и он ничего не соображал. Офицеры казались ему существами, настолько далекими и нечеловеческими, что он никак не мог их понять и осмыслить. Они смутно напоминали ему лики святых в их деревенской церкви, сухие, темные и страшные лики, которых он привык бояться еще с детства. Офицеры управляли сложной и страшной машиной, засосавшей и его, Самохина, и он чувствовал, что лучше всего было бы держаться от них подальше, не входить с ними ни в какое соприкосновение.

Однажды на занятия пришел младший офицер роты—подпоручик Долинский. Он был высок, очень молод, пушок шершаво лежал на его лице, но Самохин видел только его мундир, пуговицы с накладными орлами и твердые золотые погоны. Долинский поздоровался с ним, а он молча шевелил губами, глядя на рукоятку офицерской палочки. Он увидел режущие глаза Филиппова и, как рыба, раскрыл рот, не в силах сказать ни слова.

— Почему же ты не отвечаешь?—спросил Долинский, и Самохин заплакал, задыхаясь, и горло у него судорожно сжималось.

— Отпусти его полегче как-нибудь,—сказал офицер Филиппову,—дай ему к нам привыкнуть.—И Филиппов, вытянувшись, с рукой у фуражки стоял, пока Долинский не отошел. Он посмотрел на Самохина и тихо сказал:

— Чего ты жмешься? Никто тебя не трогает, никто не увечит, а ты таким глядишь, будто тебя кулака не снимают... Ну, чего ты плачешь?

Самохин не отвечал.

Он был одним из тех солдат, которые раз навсегда были смертельно запуганы казармой, офицерами, фельдфебелями, которые не могли тут прижиться и смертельно тосковали. И его солдатская судьба была этим предопределена. Он путал все, чему его учили, забывал выученное, и терзался до одури, когда с ним говорил начальник. Потом он научился делать то, что делали и другие, научился выкрикивать ответы, шагать и стрелять, но он оставался последним солдатом в роте и выглядел забитым и, несмотря на страх быть наказанным, два раза пытался бежать домой.

Во время занятий во двор вышел ротный писарь Иосиф Шпунт и громко выкрикивал фамилию Карцева Карцев, Самохин и Чухрукидзе занимались в углу двора с Филипповым. Он учил их их на ходу отдавать честь, так как военный устав горил, что солдат, который не может правильно козырять офицеру, не солдат. Карцев шагал первым, Самохин и Чухрукидзе позади, и оба они слепо повторяли его жесты и движения.

— К ротному командиру,—безразлично сказал Шпунт,—и, когда они шли рядом, негромко спросил, не повертывая к Карцеву головы:

— У тебя в сундучке ничего такого нет?

— Нет, а что?—сказал Карцев.

Шпунт не отвечал. Короткая фигурка зауряд-прапорщика Егорова катилась им навстречу, начищенные носки сапог, как лягушки, выпрыгивали из-под длинной шинели, и Егоров закричал:

— На носках, на носках, марш.

Шпунт скосил на него глаза, он не боялся Егорова, а Карцев ускорил шаг.

В ротной канцелярии за столом сидел капитан Васильев и читал приказ. Шпунт подошел к столу и доложил, что Карцев здесь.

— Да, да,—ответил ротный, оборачиваясь к двери, где, держа руку у козырька, стоял Карцев,—ты что?

— Молодой солдат Карцев явился по приказанию вашего высокоблагородия,—четко сказал Карцев.

Капитан подошел к нему. Он был маленького роста, худ, кривоногий, широкоплеч. Лицо сморщенное, тонкогубое, с синими глазками. Соломенные усыки тоненькими рогульками подходили к мясистому носу, слишком большому для мелкого лица командира.

— Здравствуй,—негромко сказал ротный.

Карцев выкрикнул ответное приветствие.

— Откуда ты? Чем занимался?

Карцев ответил.

— Был под судом?

Карцев сказал, что под судом был.

— За какое дело?

Карцев объяснил, что за дело о забастовке на заводе, где он работал.

Капитан вернулся к столу, взял из конверта, носившего следы сургуля, бумагу и стал ее читать. Он покачивался на кривых ножках, теребил усыки.

— Позови Егорова,—сказал он Шпунту, и тот вышел в коридор.

Васильев поднял голову.

— Ты политически-неблагонадежный?—спросил он.

Карцев пожал плечами.

— Отвечай,—резко сказал Васильев,—солдат не пожимает плечами, когда говорит с начальником. Ты политически-неблагонадежный?

— Не знаю,—ответил Карцев, чувствуя, как холодок подступает к сердцу и сжимаются кулаки.—Мне ничего об этом неизвестно.

Ротный, отбивая шаг, вилотную подошел к нему. Его реденькие волосы хорошо пахли. Розовый череп по-детски просвечивал сквозь них.

— Вот знай,—сказал ротный, близко глядя на Карцева в глаза,—если хоть ничтолку замечу, хоть волосочек, ей-богу не пожалю. Прямо отдам под суд. А?

Было непонятно, к чему относилось это последнее восклицание. Может быть, он заметил что-то непочтительное в выражении солдатского лица?

Он сдвинул каблучки.

— Перекрестись,—приказал он.

Карцев как будто медлил.

— Перекрестись,—повторил Васильев.

Карцев перекрестился.

— Ну вот,—с облегчением заговорил Васильев,—вот ты крестом обещаешь мне, своему ротному командиру, что будешь вести себя хорошо, не испортишь мне роты.

В его синих глазах была угроза и проща. Он пристально смотрел на Карцева.

— Так помни же,—грозио сказал он, подымая палец,—чуть что—под суд.

Карцев молчал.

Васильев быстро ходил по комнате. Карцев с удивлением заметил, что капитан волнуется. В роте о нем говорили неплохо. Он не теснил солдат, хорошо относился к ним, был заботлив и справедлив.

Васильев мелкими шажками подошел к нему.

— Прошу, братец, не портить мне роты,—внушительно повторил он.—я же за тебя отвечаю, понял?

— Так точно, понял,—ответил Карцев, смотря в его синие глаза, прочно впаянные в морщинистые ямки.

Войдя Егоров и Шпунт.

— Егор Иванович,—обратился к фельдфебелю Васильев.—Распорядись, чтобы сундук Карцева был доставлен в канцелярию. Пусть он при вас сам это делает.

— Слушаю, господин капитан,—ответил зауряд-прапорщик и скомандовал Карцеву.

— За мной, марш.

Он гордился тем, что офицеры звали его на «вы» и по имени отчеству, гордился своей двадцатилетней службой в полку и георгием, полученным за японскую кампанию.

— Нашкодил,—укоризненно сказал он,—нет того, чтобы честно служить царю и родине.

Он кудахтая смотрел, как Карцев вытаскивал сундучок, порхнул у него под подушкой и под тюфиком, пыхти заглянул под койку и рысью побежал за Карцевым в канцелярию. Сундук был открыт. Карцев вынимал вещи. Васильев смотрел, не притрагиваясь, и только взял тоненькую книжку, лежавшую на самом дне.

— Плеханов,—с недоумением сказал он,—я не слыхал про такого писателя.

— Не родственник ли Сергея Ивановича Плеханова, что торгует в собственном доме на Московской?—спросил Егоров,—надо бы узнать. Почитаемый человек.

Он опустился на пол, шнырял руками в сундук и вытаскивал Березовского.

— Похвально,—сказал он, стоя на коленях и протягивая книгу капитану.—Нижний чин читает учебник для рядового первого года службы. Заслуживает поощрения.

Ротный командир расцвел.

— Ну, вот,—говорил он, хлопая Плеханова о Березовского,—из него еще может выйти хороший солдат.—Только вот не держи ты книг без подписи ротного командира.

И он написал на обеих книгах: «Разрешаю. Командир 10-й роты. Кап. Васильев».

Строим самолет-гигант „Максим Горький“

Организовационное заседание Технического совета Всесоюзного комитета по постройке агитсамолета-гиганта „Максим Горький“. 1. Председатель Техсовета Н. М. Харламов (начальник ЦАГИ). 2. Председатель Всесоюзного комитета по постройке самолета Мих. Кольцов. 3. Конструктор ЦАГИ А. А. Архангельский. 4. Н. Л. Медников (отв. секретарь комитета). 5. Л. М. Мандрыка (Ин-т полиграфии). 6. А. Ф. Сазов (ВОХИМ). 7. С. Я. Абельников (отв. секретарь комитета). 8. Н. В. Горбачев (Электротехнический институт). 9. т. Виле (изобретатель). 10. В. И. Баженков (специалист по радио). 11. Е. В. Готман (специалист по полиграфии). 12. А. П. Любимов (Институт Фото-кино). 13. В. Я. Климов (ЦИАМ). 14. А. А. Вессонов (специалист по моторостроению). 15. В. М. Петляков (конструктор ЦАГИ). 16. А. И. Путилов (Воздушный гражданский флот).

ПЕРЬЯ—САМОЛЕТУ

Дореволюционная Россия окрестила именем Горького самое убогое, самое тихоходное из всего созданного железнодорожным транспортом—товаро-пассажирский тихоход „Максим“.

Советский союз называет именем Максима Горького быстроходнейшее и совершеннейшее произведение советской авиации—самолет-гигант.

Самолет нами задуман, надо его осуществить. Сила, которая его осуществит, это мы сами и, в первую очередь, советское писательство, уже проявившее большую инициативу в его создании.

Но мало заявить о своей готовности. И даже мало сделать индивидуальный взнос. Самолет такой величины, как задуман, может быть построен только силами миллионов. Значит, надо эти миллионы раскатать. Значит, каждому активисту надо стать рычажком, наиболее действенно поднимающим энергию массы на своем участке.

В Москве идет уже хорошая раскатка. В мою квартиру позвонили ребяташки, целая бригада, и предложили подписаться на самолет имени Горького.

Это значит, что дело уже пошло вглубь. Но одной Москвы и даже крупнейших городов мало. Сбор должен пойти на заводы, колхозы, на МТС, залезть в шахты, поплыть пароходами, вскарабкаться в горные аулы.

Надо придумать способы, как живей, веселее и действенней повести сбор денег и зажечь интерес вокруг самолета и вопрос авиации вообще.

Не забудем—мы уже накануне того, что бы в каждом селе был устроен аэродром, а в каждом райисполкоме, рядом с гаражом, свой районный ангар с самолетами.

Если сейчас деревенский парень садится на трактор, чтоб потом пересечь на автомобиле, пора ему начать мечтать, как от тракторного руля пересечь к рулям воздушного управления.

В затейном деле очень многое зависит от энергии газет. И в особенности газет низовых: заводских многотиражек и стенных. Ведь одних печатных газет в Союзе почти 6 тысяч.

Нечего и говорить о том, как этим районным газетам дорога каждая строчка настоящего квалифицированного писателя.

Мое предложение состоит в том, чтобы в связи с кампанией за постройку самолета-гиганта имени Максима Горького квалифицированные писатели, скученные в культурных центрах, разобрали между собой главнейшие низовые газеты, самоакрепился бы за ними и взаимнообязались бы: писатели—выступать на страницах этих газет со своими оригинальными, специально для этих газет написанными материалами, в первую очередь связанными с самолетом-гигантом.

Газеты же в ответ должны, идя навстречу инициативе писателей, поднять свою рабочую и сельскую на дело стройки самолета.

Так возникнет, во первых, соревнование между писателями и низовыми газетчиками.

Так, с другой стороны, создастся возможность завязать социалистическое соревнование и между самими писателями, связанными с газетами.

Мне думается, личное участие писателя, не в порядке обезличенной рассылки его произведений бюллетенями, должно быть воспринято с особо живым интересом. Писателю не надо пугаться объема работы. Необязательно писать длинные вещи. Простое письмо, даже открытка, написанные в газету и ею напечатанные, уже сыграют свою большую службу. Из маленьких усилий может сложиться большое дело.

Так мановением ста мизинцев можно лошадей поднять на воздух.

Я думаю, что Оргкомитет Союза советских писателей сумеет помочь писателям связаться с газетами. Что касается меня, то я закрепляюсь за пятью низовыми газетами, из которых по собственному выбору называю газеты, с которыми мне уже приходилось работать—„Колхозная стройка“ Георгиевского района (Сев. Кавказ) и „Электрозавод“ (завода „Электрозавод“).

Писатели, называйте газеты. Газеты, называйте писателей.

Кто следующий из вас товарищи: М. Кольцов, Кассиль, Асеев, Агапов, Папферов, Никулин, Олеша, Ильф и Петров, Кирсанов, Гладков, Шолоховский?

Пусть следующие продолжат и список писателей.

С. Третьяков.

Годы борьбы и побед

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИИ *

Рисунки **Бориса Ефимова**

1919 год

Январь

3. Украинские советские войска заняли Харьков, Рига занята Красной армией.

6—13. Восстание берлинских рабочих под руководством Карла Либкнехта и Розы Люксембург против правительства Эберта-Шейдемана.

10. В Польше расстрелян председатель советской миссии Красного креста Бронислав Веселовский.

11. Совнарком принял декрет о разверстке зерновых хлебов и фуража.

15. Убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Красная армия заняла Новохоперск.

18. Открылась Парижская мирная конференция.

22. Красная армия заняла Оренбург. Постановление Парижской мирной конференции о приглашении на Принцевы острова представителей всех существующих в России правительств.

24. Опубликовано обращение РКП (б) и ряда других компартий о созыве съезда Коммунистического Интернационала.

Февраль.

2. Высадка десанта союзников в Херсоне и Николаеве.

3. Высадка англо-японского десанта во Владивостоке.

4. Нота Советского правительства о согласии на участие в конференции на Принцевы острова.

5. Украинская Красная армия заняла Киев.

6. Отставка донского атамана Краснова.

11. Раскрытие лево-эсеровского заговора в Москве.

14. Опубликовано декрет ВЦИК о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию.

19. Французские солдаты и матросы в Одессе отказались сражаться с русскими революционными войсками.

20. Поляки заняли Белосток и Брест-Литовск.

Март.

2—6. I конгресс Коминтерна в Москве.

4. Основание Коминтерна на Первом конгрессе в Москве.

6. Переход Колчака в общее наступление на Восточном фронте.

12. Занят Херсон войсками атамана Григорьева. Открытие эсеровско-меньшевистского учредительного собрания Грузии.

13. Занятие Колчаком Уфы.

15. Французское командование объявляет Одессу на военном положении.

Занятие Умани, Христиановки и Житомира украинскими советскими войсками.

16. Смерть председателя ВЦИК Я. Свердлова.

Взятие Бараповичей польскими войсками.

Занятие Бердянска и ст. Дебальцево отрядом Махно.

20. Обращение VIII съезда РКП (б) к партийным организациям с призывом „мобилизовать свои силы и быть готовыми ответить беспощадным ударом на всякую попытку срыва государственного строительства пролетариата“.

Декрет СНК о потребительских коммунах.

21. Провозглашение Венгерской советской республики (существовала до 1 августа).

26. Восстание рабочих в Одессе. Начало эвакуации союзниками Одессы.

30. Избрание М. И. Калинина председателем ВЦИК.

Апрель.

2. Сообщение ВЧК о раскрытии заговора, ставившего своей целью посредством взрывов, порчи железных дорог и пожаров вызвать вооруженное выступление против советской власти.

3. Письмо Ф. Напсена „Совету четырех“ с предложением организовать помощь России продовольствием и медикаментами. Взятие Красной армией Юзовки и Великокняжеской.

4. Взятие Перекопа и Джанкоя красными частями.

6. Занятие Одессы советскими войсками и ликвидация союзной интервенции на юге России.

Прорыв красных частей у Перекопа в Крым.

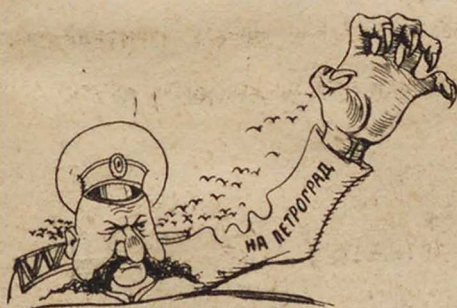
7. Провозглашение Гаварской советской республики (существовала до 1 мая).

9. Наступление Колчака по всему Восточному фронту.

10. Занятие советскими войсками Симферополя и Евпатории.

11. Декрет ВЦИК о реорганизации государственного контроля.
13. Постановление экстренного заседания Президиума ВЦИК о массовой мобилизации членов профсоюзов на Восточный фронт.
14. Опубликовано воззвание ВЦИК «К рабочим Советской России» с призывом об организации немедленной обороны страны.
16. Провозглашение АССР немцев Поволжья.
17. Начало успешного наступления Красной армии на Восточном фронте.
20. Восстание на крупнейших французских судах севастопольской эскадры. Французские матросы демонстрируют в городе вместе с рабочими. Красные части подходят к Севастополю.
21. Бои с поляками на улицах Вильно.
23. Приостановка наступления Колчака на Восточном фронте. Упорные бои Красной армии в Бузулук-Бугурусланском районе. Провозглашение Советской власти в Галиции.

Май

1. Всеобщая забастовка в крупных промышленных городах Франции. Грандиозные первомайские демонстрации в Париже. Объявление Парижа на военном положении.
2. Вторжение финской добровольческой армии в пределы Советской России.
4. Начало наступления Деникина на Южном фронте, взятие им Луганска.
7. Радиотелеграмма НКВД Нансену с выражением согласия на его предложение от 3 апреля о помощи советской России продовольствием.
- 7—23. Мятеж атамана Григорьева против советской власти на Украине.
10. Первый исторический «коммунистический субботник».
13. Занятие Красной армией Вугульмы. Вступление советских войск в пределы Бессарабии.
21. Опубликовано воззвание ЦК РКП(б) «На защиту Петрограда».
22. Оставление Латышской Красной армией Риги.
26. Нота Верховного союзного совета на имя Колчака с изложением условий, на которых он и «те, кто с ним объединился», могли бы получить постоянную помощь от союзников.

25. Циркуляр ЦК РКП(б) всем партийным организациям о немедленном создании частей особого назначения.

26. Перелом на Восточном фронте.

29. Занятие Севастополя украинскими советскими войсками.

30. Приказ Деникина о своем подчинении Колчаку и признании последнего «Верховным правителем» России и верховным главнокомандующим русскими армиями.

Июнь

9. Занятие красными частями Уфы.
10. Занятие повстанцами Тургай в тылу у Колчака.
11. Отказ французского адмиралтейского крейсера «Прованс» в Тулоне выйти в Черное море для борьбы против советской России.
- 12—16. Контрреволюционное восстание на форте «Красная горка» и сдача его Юденичу.
16. Раскрытие в Петрограде контрреволюционной организации «Национальный центр».
- Взятие «Красной горки» советскими войсками.
20. Воззвание Исполкома Коминтерна к рабочим всех стран по поводу признания Колчака «законным правителем России».
25. Занятие Деникиным Харькова.
28. Подписание германской делегацией продиктованного ей союзниками мирного договора в Версале.

29. Занятие Деникиным Екатеринослава и Новохотска.

Июль

1. Оставление нами Царицына.

Взятие Красной армией Перми и Кунгура. Назначение Северо-западным правительством ген. Юденича командующим белогвардейскими войсками, действующими против Петрограда.

13. Занятие Красной армией Златоуста.

14. Занятие Красной армией Екатеринбурга.

21. Во многих городах Италии, Австрии, Норвегии и Германии проходят забастовки и демонстрации в защиту советской России и советской Венгрии.

25. Обращение НКВД к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая с предложением вступить в официальные сношения с РСФСР на основе отказа от всех привилегий и неравноправных договоров, заключенных царской Россией.

52. Взятие Челябинска советскими войсками.

Международная декада

Рис. Ю. Ганфа

Женева снова привлекает к себе внимание дипломатического мира. Там заседает бюро конференции по разоружению, там прошла так называемая „манчжурская неделя“. Буржуазная печать предварительно муссировала предстоящее обсуждение японо-манчжурского протокола, создавая представление об особом значении разбора манчжурского вопроса в совете Лиги Наций.

Обсуждение манчжурского вопроса началось с юридического спора, на основании какой процедуры и кто должен быть решающей инстанцией: совет Лиги или пленум. Представители Японии отстаивали право решения вопроса за советом, тогда как китайцы считали, что совет является лишь передаточной инстанцией по отношению к пленуму Лиги. Не удивительно, что Япония отстаивала точку зрения обсуждения вопроса в совете. В совете Лиги принимают участие государства, непосредственно заинтересованные в Дальневосточных делах, что дает Японии повод рассчитывать на известную гибкость в вынесении резолюций. На пленуме же принимает участие много мелких государств, в дальневосточных делах не заинтересованных и поэтому едва ли могущих поддержать Японию, тогда как на собраниях Лиги, где обсуждался манчжурский вопрос, представители малых государств выступали в резко антияпонском духе.

По докладу Литтона состоялись прения сторон. Произошел оживленный спор между представителями Японии и Нанкина. Китайский представитель Веллингтон Ку указал, что согласно выводам комиссии Литтона, выступление Японии не явилось актом самозащиты и что создание так называемого Манчжоу-Го (Манчжурское государство) не является результатом подлинного движения за независимость. Ку призывает подойти к вопросу „с точки зрения права и справедливости“.

Делегат Японии Мацуока ответил на речь Веллингтона Ку утверждением, что Япония является одной из вернейших оцор Лиги Наций. При этом Мацуока открыто пригрозил выходом Японии из Лиги Наций в случае, если Япония будет неудовлетворена решением совета Лиги.

В обсуждении японо-китайского конфликта выявляется сложность взаимоотношений различных империалистических держав. Позиция Англии обрисована до некоторой степени в одной из передовых

„Таймса“. Статья эта в общем благоприятна для Японии, но в то же время она одобряет выводы доклада Литтона, требующие установления сильного центрального правительства в Китае.

Во французских кругах наблюдается явное сочувствие Японии, которая, по уверению официоза „Тан“, „рассчитывает не нанести никакого ущерба принципу открытых дверей“.

Поворот в пользу Японии можно приписать стремлению французской печати вызвать беспокойство в Соединенных Штатах и тем воздействовать на Америку в вопросе о межсоюзнических долгах.

Межсоюзнические долги являются по существу не только финансовой проблемой, но и мощным политическим и экономическим орудием воздействия на должников. Вот почему САСШ не желают отказаться от этого мощного орудия воздействия на политику передовых империалистических государств.

Между тем непосредственно после окончания президентских выборов в Америке английское и французское правительства обратились в Вашингтон с нотами, предлагая начать переговоры о пересмотре договоров о межсоюзнических долгах. Выяснено с достаточной определенностью, что европейские должники не в состоянии

уплатить очередной взнос Соединенным Штатам.

Гувер, в своем ответном послании, заявляет, что Соединенные Штаты готовы обсудить поставленные вопросы с каждым из должников в отдельности.

Гувер проявляет не только сговорчивость, но и известное „великодушие“: он готов пойти навстречу должникам, если они заявят о невозможности платить. Это „великодушное“ принуждение стать на колени перед американским дядюшкой должно лишний раз подчеркнуть руководящую роль Соединенных Штатов в мировой экономике и поднять престиж доллара, как непоколебимой валюты.

Новая вспышка антисоветской кампании, наблюдаемая в Англии, нашла свою детонацию в Германии.

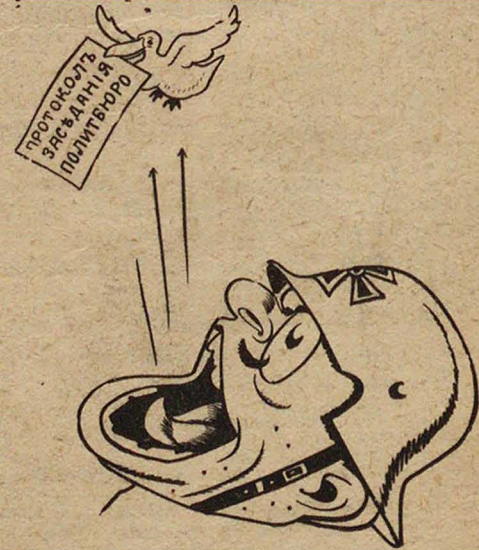
Немецкие крайние националисты и их центральный орган „Крейццейтунг“ выпустили гнусную фальшивку.

Фальшивка эта ничем не отличается от множества других, пачками изготовляющихся русскими белоохранцами. Это „протокол“ мнимого заседания Политбюро ВКП(б), якобы состоявшегося 14 августа этого года. Протокол передает мнимые прения о внутривластном положении в Германии, причем „присутствовавший“ на заседании тов. Сталин якобы призывал к усилению индивидуального террора в Германии.

Не приходится доказывать, что фантастический протокол ни в малейшей мере не соответствует действительности, и что тов. Сталин не мог участвовать на „заседании“, хотя бы потому, что он находился в отпуску как раз в то время, когда по вымыслу „Крейццейтунг“ оно происходило.

Цель, с которой выпущена очередная фальшивка, ясна. Германский фашизм старается с помощью гнусной клеветы подготовить кровавый поход против революционных рабочих и против компартии, влияние которой неуклонно растет, как это показала, между прочим, последняя кампания по выборам в рейхстаг.

Провокация „Крейццейтунг“ безусловно должна скандально провалиться, потому что рабочие Германии прекрасно знают, в чем состоит методы провокационной работы черносотенцев.

Победа дела мира. ЦИК СССР и президент польской республики ратифицировали пакт о ненападении, заключенный польским и советским правительствами.

Советско-польский пакт о ненападении является крупнейшей победой мирной политики СССР, проводимой со всей последовательностью, вопреки всем военным провокациям поджигателей войны. Ратификация польско-советского договора о ненападении является событием значительной в виду того, что Польша рассматривалась и рассматривается до сих пор, как наиболее удобный плацдарм для нападения на СССР. Мы добились заключения пактов о ненападении почти со всеми нашими соседями, преодолевая сопротивление передовых империалистических держав, которые рассматривают меньшие державы, расположенные по соседству с нами, как пешки в борьбе против Советского союза.

Мировой кризис толкает империалистские элементы буржуазии на поиски выхода из тупика путем войны и интервенции, но этот кризис настолько ослабил империализм и настолько усилил жажду мира в народных массах, что обострение отношений с СССР не входит уже в планы находящихся у власти групп империалистов. С другой стороны, успешное осуществление индустриализации Советского союза и усиление обороноспособности нашей страны довольно красноречиво говорят о том, что на удары врагов мы можем ответить беспощадно и сокрушительным контрударом.

Поэтому правительства капиталистических стран предпочитают добиться мирных отношений с СССР.

Однако трудящиеся Советского союза, встречая с величайшим удовлетворением известие о ратификации пакта, не должны забывать ни на минуту, что с порядком дня не снята висевшая над нашей страной угроза войны и интервенции. Рабочие и крестьяне СССР вместе с народными массами зарубежных стран следят с величайшим вниманием за работой темных сил, интригующих спасения в новом военном пожаре.

Министерский кризис в Германии. После отставки правительства фон-Папена германский президент Гинденбург

реговоров с Гитлером Гинденбург начал вести переговоры с лидерами националистов, партий центра и народной партий. Неудача переговоров обострила разногласия в лагере гитлеровцев. Один из лидеров фашистов Штрассер заявил, что при случае он воспользуется предложением Гинденбурга и войдет в правительство даже без санкции Гитлера. Бесплодные переговоры обмен меморандумами все свидетельствует о крайнем обострении разногласий внутри господствующих классов. Корень всех событий — обостряющаяся классовая борьба и растущий с каждым днем революционный подъем масс. В разных городах Германии состоялись демонстрации против фашистов и за освобождение политзаключенных.

В результате всех переговоров Гинденбург предоставил пост рейхсканцлера министру обороны Шлейхеру. Кабинет фон-Шлейхера представляет по существу реорганизованный папеневский кабинет.

На снимке: Гитлер покидает президентский дворец после неудачных переговоров с Гинденбургом.

Новый ракетный полет в Германии. В Берлине на Темпельгофском аэродроме проделаны опыты с полетом новой ракеты, сконструированной инженером Рейнгольдом Тилли-

гом. Ракета длиной с два метра снабжена особыми крыльями, которые дают ей возможность, поднимаясь до определенной высоты, спуститься вниз скользящим полетом. Высота подъема ракеты зависит от количества вырванного вещества, подбрасывающего ракету в воздух. Ракета удачно поднялась на высоту 600 метров и спустилась на крыльях, несущих ее, как парашют, в некотором отдалении от аэродрома.

Кровавая баня в Мюнхене. Еще не прошло и полгода с тех пор, когда швейцарская полиция расстреляла рабочих на улицах Цюриха, как в Женеве была устроена новая кровавая

бойня для швейцарских рабочих. Поводом для расстрела явилась антифашистская демонстрация рабочих. Около 6.000 рабочих собрались к за-

нию муниципалитета, где происходил публичный суд, устроенный фашистами над лидерами местной социалистической организации — Николем и Дикером, в связи с их участием в амстердамском конгрессе. Рабочие, собравшиеся у помещения, где происходил суд, пытались прорваться сквозь заграждения и отогнали полицию. Между солдатами и демонстрантами началось братанье. В этот момент офицеры отдали приказ открыть огонь из двух пулеметов. В результате расстрела насчитывается вместе с умершими от ран семнадцать жертв. Женевские власти запретили уличные шествия и собрания даже в закрытых помещениях и превратили город в вооруженный лагерь. В виде протеста против расстрела, в Швейцарии была объявлена 20-часовая всеоб-

щая забастовка. Социалистический лидер Николь арестован и обвиняется в покушении на безопасность государства. На снимке: сверху — лидер женевских социалистов Николь; внизу — патруль на улицах Женевы.

Илья Сац. Советская театральная и музыкальная общ.

ственность отметил двадцатилетие со дня смерти Илья Саца, одного из самых замеча-

тельных композиторов предреволюционного периода. Илья Сац отдал свое творчество почти целиком музыкальным издательствам, к постановкам Московского художественного театра. Его марш в „Гамлете“, вальс в „Мизере“ Юнкевича, полька в „Жизни человека“ Андреева, увертюра „Весна“ к „Следам“ Вознесенского, детские мотивы в „Синей птице“ Метерлинка и мн. др. — незабываемые образцы иллюстрационной музыки, призванной по содержанию и массово-доступной по форме. Творчество Саца несомненно должно стать предметом изучения нашей музыкальной молодежи.

Юбилей Баруха Спинозы. исполнилось триста лет со дня рождения знаменитого философа Баруха (Венедикта) Спинозы. Спиноза родился 24 ноября 1632 г. в Амстердаме, в

семье купца-еврея. Он был отдан в еврейскую религиозную школу, чей благочестивый дух не спас Спинозу от критического отношения к догмам талмуда. Спиноза порвал с учением раввинов, вышел из-под церковного влияния и даже был отлучен от церкви советом раввинов. По своему философскому мировоззрению Спиноза был материалистом, атеистом и борцом за научное мышление. Он бескорыстно служил делу борьбы со средневековым, поповщиной и философским идеализмом.

Джон Голсуорси. Известный английский романист Джон Голсуорси получил очередную нобелевскую премию по сек-

ции литературы. Голсуорси — битописатель Англии переломной поры. Голсуорси признает несостоятельность филантропии, слуха кастовых и национальных предрассудков и ве-

предклонную логику классовой борьбы. Он сознает вину лицемерия правых, фарисеев — капиталистов, лордов и рабов, он чувствует бессилие помочь угнетенным и отсюда угрозу неизбежного краха буржуазно-дворянской Англии. По социальным проблемам для Голсуорси неразрешимы, поскольку он не признает революционного выхода из капиталистического строя. Поэтому его позитивные идеалы шатки и неустойчивы. Крупнейшее произведение Голсуорси — „Сага о Форсайтах“ — является широкой эпической картиной распада Англии XIX века. Голсуорси выступал и как драматург, но его пьесы значительно слабее романов, из которых главнейшие (кроме названного цикла): „Вратство“, „Правосудие“, „Остров фарисеев“, „Скляное смерти“

Первое международное музыкальное совещание состоялось в Москве. На совещании присутствовали представители от САСШ, Франции, Германии, Японии, Венгрии, Австрии, Бельгии, Голландии, Мексики и Литвы. Делегацию от СССР составили видные деятели советской музыки: Нар. арт. Ипполитов-Иванов, Гедике, Александров, Городицкий, Фейнберг и др.

Совещание заслушало доклад секретаря союза советских композиторов т. Городицкого — „Музыкальный фронт СССР“, доклад оргсекретаря ССК т. Шаргородского „Организационные задачи международного музыкального революционного движения“, информационный доклад представителя Рабочей музыкальной лиги САСШ композитора Шейфера и сообщение делегатов от различных стран. Все иностранные делегаты констатировали большой рост музыкального ре-

волюционного движения большой интерес, проявляемый иностранными рабочими к советской музыке. Совещание решило ряд принципиальных, идеологических и организационных вопросов, обеспечивающих консолидацию сил и дальнейшее развитие международного музыкального революционного движения и избрало Международное музыкальное бюро с функциями оргкомитета по созданию Международного объединения революционной музыки.

На снимке: выступление тов. Городицкого.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Чтобы получать журнал без перерыва с января 1933 года, необходимо немедленно сдать подписку.

Тираж журнала ограничен, не сдавшие подписку во время могут лишиться возможности его получения.

Подписки принимаются исключительно почтой на основе установленного ею срока.

Подп. цена „Огонька“ на 1933 г.: 12 мес. — 7 р. 20 к., 6 мес. — 3 р. 60 к., 3 мес. — 1 р. 80 к.

ПО СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ. ХРОНИКА

Дворец культуры в Пхивали (Юго-Осетия)
Фот. Степанова (Союзфото)

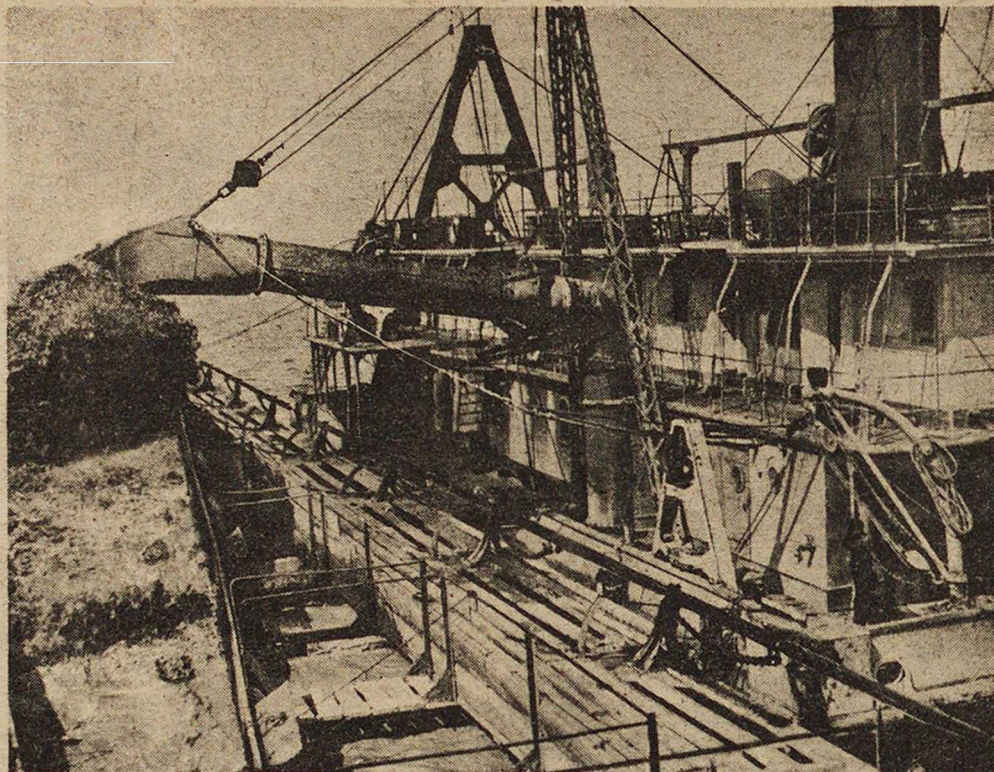
Новые дома для рабочих Уральского машино-
строительного завода в Свердловске
Фот. Черепанова (Союзфото)

Залежи наменного угля найдены на берегах Печоры
и ее притока Еджид-Курта-Ел. На снимке: вывозка
угля к Печоре по деревянной дороге
Фот. В. Чемко (Союзфото)

Уберка чуфы—культурного растения, заменяющего миндаль, на Колхидской
опытной станции мелиорации и субтропических культур
Фот. И. Вельх

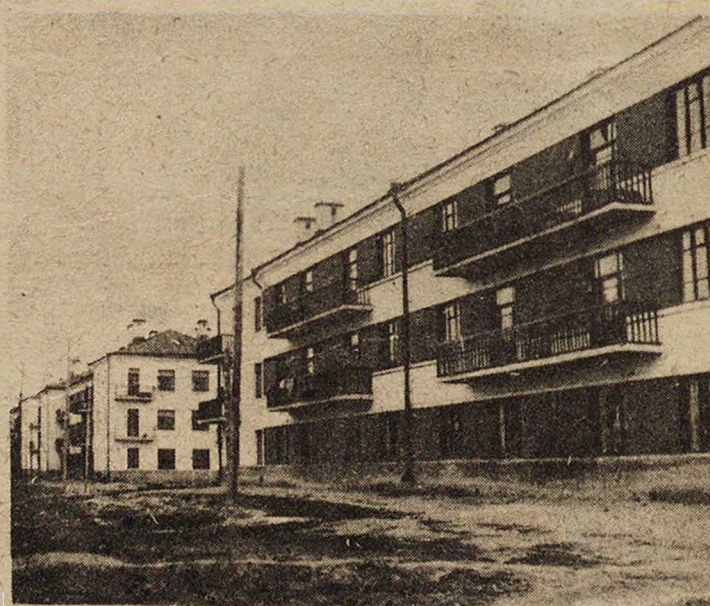
109 га морского дна отвоевано нефтяниками Баку за три последние года. На снимке: краснознаменный
землесос «Сормово» за работой в Бухте Ильяча
Фот. Герасимова (Союзфото)

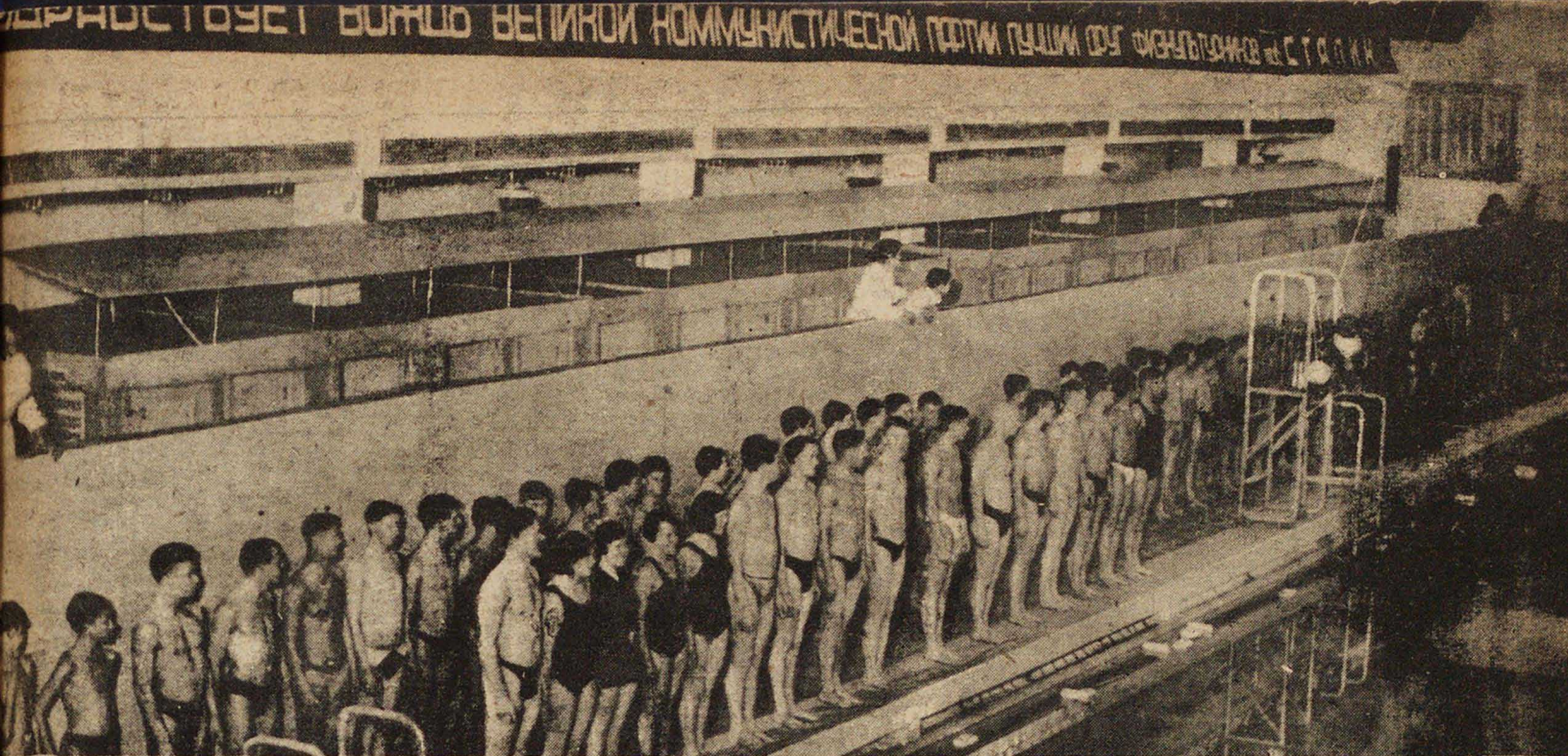
Нойсугонский колхоз № 3 Сев.-Кав. края сдает овощи
засолочным пунктам Крайсоюза. На снимке: сорти-
ровка овощей перед погрузкой
Фот. Георгиадзе (Союзфото)

Рабочий поселок им. 1905 года вырос на окраине
Москвы. В нем размещены 10 000 рабочих семей.
Оборудованы прачечные, детплощадки, рабочее
кафе, проведено озеленение поселка
Фот. Феденковой (Союзфото)

Новые рабочие дома в Слободе им. Восстания в Казани
Фот. Темина (Союзфото)

Водный праздник Москва—Ленинград, посвященный перевыборам физкультурных организаций и пленума ВЦСПС, состоялся в Москве в конце ноября. В программу праздника входили военизированные заплывы с винтовкой, комбинированная эстафета, заплывы для подростков и другие виды водных соревнований. На с ним же: открытие водного праздника в бассейне Сталинского района.

Фот. А. Шавтес

Редактор МИХ. КОЛЬЦОВ.

Адрес редакции: Москва, Страстной бульвар, 11.

Издатель—Журнально-газетное объединение

Ул. Главлита В-44705. Изд. № 1858. Колич. наб. зп. в кажд. бум. л. 165.000. Сдано в набор 25/XI. Подписано к печати 5/XII. Зак. 1514. Офсет-печать тип. Журнально-газетного объединения („Огонек“), Москва, Сretenка, Последн. пер., 26. Тир. 200.000. Стат. формат А, 210 × 297. Колич. бум. листов—125. Выпускал и корректировал А. Оголевец.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1933 г.—„Огонек“: 1 год.—7 р. 20 к., 6 мес.—3 р. 60 к., 3 мес.—1 р. 30 к. „Библиотечка Огонек“: 1 год.—12 р. 6 мес.—8 р., 3 мес.—3 р.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1933 год на фотоиздания ОВЛАДЕВАЙТЕ ФОТОТЕХНИКОЙ в этом вам помогут

Газета „ФОТОКОР“

Орган Культмассового сектора ВЦСПС и Союзфото. Выходит ежедневно. В 1933 г. в газете будет напечатан заочный курс фототехники для начинающих.

Подписная цена: 12 мес.—5 р. 40 к.; 6 мес.—2 р. 70 к.; 3 мес.—1 р. 35 к.

„БИБЛИОТЕКА ФОТОКОР“

3 книги в месяц, состоящая из популярных книжек по всем вопросам фотографии.

Подписная цена: 12 мес.—9 р.; 6 мес.—4 р. 50 к.; 3 мес.—2 р. 25 к.

Ежемесячный журнал

„ПРОЛЕТАРСКОЕ ФОТО“ Орган Союзфото

Подписная цена: 12 мес.—12 р.; 6 мес.—6 р.; 3 м.—3 р.

„БИБЛИОТЕКА ПРОЛЕТАРСКОЕ ФОТО“

12 книг в год, в которой помещаются лучшие советские и иностранные труды по теории и технике.

Подписная цена: 12 м.—12 р.; 6 м.—6 р.; 3 м.—3 р.

Подписку сдавайте почтой, письменно, организаторам подписки на предприятиях и в учреждениях. Не опоздайте подписаться на 1933 г.

Журнально-газетное объединение

„ЗА РУБЕЖОМ“

Журнал выходит в новой форме под редакцией М. ГОРЬКОГО и МИХ. КОЛЬЦОВА с ноября 1932 г. (с № 1). С 1 января 1933 г. „За рубежом“ будет выходить 3 раза в мес.

„За рубежом“ в живой и наглядной форме очерков, корреспонденций, статей, обширных и разнообразных выдержек из иностранной печати, книг и документов, знакомит широкое массовое советское читательство с общими положениями и отдельными событиями в странах Западной и Восточной Европы.

Журнал иллюстрирован рисунками, портретами и карикатурами. С ноября мес. (с № 1) журнал „За рубежом“ издается Журнально-газетным объединением.

Открыт прием подписки на 1933 год.

Подписная цена: 12 мес.—36 р., 6 мес.—18 р., 3 м.—9 р., 1 мес.—3 р.

Подписку сдавайте почтой не позже установленного ею срока.

Журнально-газетное объединение

НАМ ОВЛАДЕТЬ ТЕХНИКОЙ РАБОТЫ НА ТОМ ИЛИ ИНОМ СТАНКЕ

НАМ ОСВОИТЬ НОВЫЙ АГРЕГАТ

НАМ ПОВЫСИТЬ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА

НАМ НУЖНО И НЕ НУЖНО РАБОТАТЬ

НАУЧИТ ВАС
журнал

„ОВЛАДЕЕМ ТЕХНИКОЙ“

Орган ВЦСПС и Всесоюзного Совета Обществ „За овладение техникой“. Выходит 3 раза в мес. Подписку сдавайте на почту.

Подписная цена на 1933 год: 12 мес.—9 руб.; 6 мес.—4 руб. 50 к.; 3 мес.—2 руб. 25 коп. Сдавайте своевременно подписку на 1933 год.

Журнально-газетное объединение

„Наши достижения“

Ежемесячный иллюстрированный журнал под редакцией М. Горького. 5-й год издания.

В 1933 году журнал будет уделять особое внимание тем глубочайшим процессам, вызванным революцией и пятилеткой, которые по новому складывают общественные отношения людей и облики самого человека, живущего в условиях социалистического общества.

Открыт прием подписки на 1933 год.

Подписная цена: 12 м.—12 р.; 6 м.—6 р.; 3 м.—3 р.

Подписку сдавайте местной почтой в установленные сроки.

Журнально-газетное объединение

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ
НА СЕРИЮ БИОГРАФИЙ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Издаваемую при ближайшем
участии М. ГОРЬКОГО

Журнально-газетное объединение выпускает в 1933 году серию книг, посвященных биографиям выдающихся исторических деятелей, работавших в области науки, техники, политики, литературы, искусства и других отраслях культуры. Каждая биография будет изложена в живой увлекательной форме, снабжена иллюстрациями научного и бытового характера.

В течение 1933 года будут изданы биографии: Чернышевского, Репина, Гейне, Щепкина, Сеченова, Лермонтова, Байрона, Песталотти, Кука, Вагнера, Эдисона, Сурикова, Бр. Райт, Парацельса, Мольера, Ж. Санд, Швифта, Данте, К. Либкнехта, Магеллана, Дизеля, Желязова, Бабефа, и др.

Состав редакционной: Акад. С. И. Вавилов, проф. Б. М. Герсен, проф. 1. Э. Грабарь, М. Е. Кольцов, Н. В. Крыленко, А. В. Луначарский, проф. А. П. Пинквич, Н. А. Смышко, В. М. Овердлов, А. Н. Тихонов, проф. А. Н. Фрумкин и проф. О. Ю. Шмидт.

Ответственная редакция: т. т. М. ГОРЬКИЙ, М. Е. КОЛЬЦОВ, А. Н. ТИХОНОВ.

К написанию биографий привлечены лучшие советские писатели, журналисты, ученые: М. А. Блох, К. Большаков, М. Булгаков, А. К. Воронский, В. Н. Владимиров, А. Виноградов, Н. Венкстери, И. Э. Грабарь, Л. И. Гумилевский, Д. А. Горбов Ал. Дейч, А. К. Джигелегов, Е. Евдокимов, Еф. Зозуля, М. Кольцов, К. Х. Кекчев, М. Я. Лапиров-Скоблов, А. П. Пинквич, В. М. Проскураков, П. С. Сухотин, А. А. Сидоров, Ю. Соболев, П. В. Слеток, Г. Штом, О. Ю. Шмидт, П. П. Щеголев и др.

Задача этой серии биографий состоит в том, чтобы познакомить советского читателя с теми фактическими и теоретическими данными из разных областей знания и практики, которые неразрывно связаны с работой и деятельностью того или иного лица; выявить под углом зрения марксистско-ленинской теории прогрессивную или, наоборот, реакционную и орисскую роль научных философских, эстетических, религиозных и других идеологических концепций, борющихся за господство в области культуры.

Издание периодическое: по два отдельных выпуска в месяц, т. е. 24 выпуска в год. Средний объем каждого выпуска около 160 страниц.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес. (24 кн.)—25 р. 20 к., 6 мес. (12 кн.)—12 р. 60 к., 3 мес. (6 кн.)—6 р. 80 к., 1 мес. (2 кн.)—2 р. 10 к.

ПОДПИСКУ СДАВАЙТЕ: письменно, местной почтой, организаторам подписки на предприятиях и в учреждениях в установленные сроки. Подписка, не сданная в срок, переносится на следующий месяц. Заблаговременная подписка гарантирует лучшую доставку.

Журнально-газетное объединение.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ
на 1933 год
на ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ИЗДАНИЯ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Оргкомитетов союза советских писателей СССР и РСФСР. Выходит каждые 6 дней. Газета освещает вопросы литературы и искусства. **ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1933 год:** 12 мес.—12 р., 6 мес.—6 р., 3 мес.—3 руб.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

—публикует неопубликованные материалы и документы по истории литературы и истории общественной мысли. В 1933 г. выйдут на печать книги № 7—12, посвященные Пушкину, Салтыкову-Щедрину, Карлу Марксу, М. Горькому, Тургеневу и др. **ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 3-ью часть № (7—9)—15 р., 4-ю часть (№ 10—12)—15 р., обе части—30 р.**

РОСТ

—литературно-художественный и культурно-бытовой массовый журнал. Выходит 2 раза в месяц. «РОСТ» печатает рассказы, стихи и очерки лучших писателей Советского союза и Запада. **ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:** 12 мес.—6 р., 9 мес.—3 р., 3 мес.—1 р. 50 к.

ГОВОРИТ СССР

ежедекадный журнал, орган Всесоюзного комитета по радиовещанию. **ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1933 год** 12 м.—10 р. 80 к., 6 м.—5 р. 40 к., 3 м.—2 р. 70 к.

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“

Печатает лучшие произведения советских писателей, ударников, призванных в литературу, очерки о социалистическом строительстве, художественные произведения о Красной армии.

Открыт прием подписки на 1933 год.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес.—12 р., 6 мес.—6 р., 3 мес.—3 р.

ПОДПИСКУ СДАВАЙТЕ местной почтой, письменно и организаторам подписки на предприятиях и в учреждениях, не опоздайте подписаться на 1933 г. Сроки приема подписки сокращены.

Журнально-газетное объединение

КУРЯЩИМ

Обезвредите курение по способу проф. ГЕЙНЦ ГЕРНАЙ при помощи интеникотин. «Мундштук» поглощает до 94% вред. яда никотина. Вкус и аромат не измен. Письменное руководство, как устроен мундштук и где прибор, его-выс. по почт. 3 р. Налож. плат. не высыл. Ноч. почт. ящ. 32, авт. АШХМИН.

**МАРКИ
БОНЫ
МОНЕТЫ**
для коллекций
покупайте
в магазинах
советской
филадель
стич ассо-
циация

В Москве:
Маг. № 1—Столешников пер., 11.
Маг. № 2—Уг. Охотного ряда и
ул. Горького.
Маг. № 3—уг. Петровки и Ку-
нецкого пер.

Ленинград:
Просп. 25 Октября № 60.

Харьково:
Пушкинская № 3.

«МОСОБЛХИМПРОМСОЮЗ»

ХИМИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАЯ ФАБРИКА

„Гален-Москва“

МОСКВА, 55-БАХМЕТЬЕВСКАЯ УЛ. 2-й ВЫШЕСЛАВЦЕВ ПЕР., 6-А.

**«Секаровская
жиакость»**
(ВЫТЯЖКА ИЗ СЕМЕННЫХ ЖЕЛЕЗ)
РАЗРЕШ. НКЗ № 8362.
ПРИМЕНЯЕТСЯ ПРОТИВ ИСТОЩЕНИЯ,
УПАДКА СИЛ, ПОЛОВОГО БЕССИЛИЯ
И НЕВРАСТЕНИИ ВО ВСЕХ ЕЯ ВИДАХ

«Аллилат»
(КОРЕЛИЗОВАННАЯ ЧЕСНОЧНАЯ
ВЫТЯЖКА) РАЗР. НКЗ № К. 51.
РЕКОМЕНДУЕТСЯ ВРАЧАМИ ПРИ ОБ-
ЩЕМ АРТЕРИОСКЛЕРОЗЕ С ГИПЕРТО-
НИЕЙ И БЕЗ ГИПЕРТОНИИ, ПРИ АТО-
НИИ КИШЕЧНИКА, КОЛИТАХ С НАК-
ЛОНОСТЬЮ К ЗАПОРАМ И ПРИ
ЯВЛЕНИЯХ СЕРДЕЧНОЙ АСТМЫ.

«Тиолан»
(НАФТАЛАНОВО-ЦИНКОВАЯ
МАЗЬ) РАЗР. МОСЗДРАВОТА.
СРЕДСТВО ПРОТИВ ПРЫЩЕЙ,
СЫПИ, КРАСНОТЫ, ЗУДА КО-
ЖИ И ПРОЧИХ КОСМЕТИЧЕС-
КИХ НЕДОСТАТКОВ.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ АПТЕКАХ И МАГАЗИНАХ САНГИНИИ СССР

ПРИ ОТСУТСТВИИ НА МЕС-
ТАХ ЗАКАЗЫ ИСПОЛНЯЮТСЯ
ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ЗАКАЗКА В
50% ПОСЫЛОЧНОЙ КОНТО
РОЙ «ГОРТ» — МОСКВА,
МОСКОВЕЦКАЯ УЛ. 26.
НА СУММУ СВЫШЕ 200 РУБ. ЗАКАЗЫ МОГУТ
ВЫПОЛНЯТЬСЯ НЕПОСРЕДСТВЕННО ФАБРИКОЙ

НАРКОМЗДРАВ Р. С. Ф. С. Р. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ГОСУД. ИНСТИТУТ ЭНДОКРИНОЛОГИИ В МОСКВЕ
КЛИНИЧЕСКИ ИСПЫТАННЫЙ ПРЕПАРАТ

ОРХИКРИН

РЕКОМЕНДУЕТСЯ ВРАЧАМИ

ПРИ:

половой недостаточности, половом бессилии, повышенном кровяном давлении и старческой слабости.
ЖИДКИЙ ПО АКАДЕМИКУ КРАВКОВУ: во флак.

(30—40 кап. 2—3 р. в день); В ТАБЛ. (по 1 табл. 3—4 раз. в день); В АМПУЛАХ (по 1—2 ампл. ежедневно под кожу).

Требуйте во всех аптеках

Адрес Ин-та: Москва 4, Воронцовский пер. 3.

В СВЯЗИ С ПРЕКРАЩЕНИЕМ
ФОТО-ЭКСПЕДИЦИОННОГО ДЕЛА КОНТОРА
КУЛЬТУРНЫХ ТОВАРОВ УПД КУБУЧА

извещает, что заказы на отправку фото-товаров БОЛЬШЕ НЕ ПРИНИМАЮТСЯ

Входящие заявки будут возвращены по первому требованию до 1/1—33 г. По и точности указанного срока никаких претензий принимать не будут

Претензии направлять по адресу: ЛЕНИНГРАД, Гостиный двор, Садовая линия, 79. ДИРЕКЦИЯ КОНТОРЫ КУЛЬТУРНЫХ ТОВАРОВ—ЛЕНИНГРАД

ПОРТРЕТ худ. упол. с фото-карт. исп. худ. маст. шеф-фабрик. И.р.—Пр. "Трехгорной мануфактуры" цена с перес. тушью—20 р., больш.—50 р., в краск. или сепии на 25% дор. Заказы высыл. по получ. подл. стож. Без-опасность гарантируется. Просим не смешивать нашу фирму с рекл. части. лиц. Карт. возвращ. Адрес: Гл. Почтамт, абонем. ш. № 109 Ул. В.В. Голубятникову.

ЧЕРЧЕНИЕ

Подготовка чертежника-конструктора 3-очным методом
Запросы адресовать: Ленинград, почт. ящик № 60.

УХОД ЗА КОЖЕЙ

Веснушки. Загар. Угри. Прыщи. Бородавки. Морщины. Краснота носа. Пятна. Потливость. Мозоли. Письм. руководство для борьбы с этими дефектами высылается за пять руб.

УХОД ЗА ВОЛОСАМИ

Выпадение. Облысение. Поседение. Окраска. Удаление. Цена тоже пять р. Оба руководства высыл. за 7 р. 50 к.

Адрес: Киев, Бессарабка, авто-гу АННЕ (ТАЦЕВИЧ, абонементный ящик № 5.

ГРАФОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

ОПРЕДЕЛЕНИЕ характера (положительных и отрицательных свойств его), умственных способностей, волевого развития и пр. Производится на основании анализа почерка. Для этого только нужно на обратной стороне талона почтового перевода (на месте для письменного сообщения) написать что-нибудь по моему почерку определить все то, что я из себя представляю как личность и затем подписаться. (Можно также наклеить и образец чужого почерка).

Перевод в сумме 5 р. направлять почтовыми посылками адресу: Москва, девятые п/о абонементный ящик № 1242 графологу эксперту. КОМЕБАТНИНУ Л. И.

Свой адрес писать подробно и разборчиво на талоне перевода. Допускается наложенный платеж при посылке марок на один рубль.

СЛЕДИТЕ!

ЗА
НОВЫМИ
ВЫПУСКАМИ
ПАРФЮМЕРИИ

ФАБРИК

ТЭЖЭ
И
ЛЕНЖЕТ

СЕРИЯ
АРКТИКА

ПОРТРЕТ, худ. упол. с фото-карт. исп. худ. маст. шеф-фабрик. И.р.—Пр. "Трехгорной мануфактуры" цена с перес. тушью—20 р., больш.—50 р., в краск. или сепии на 25% дор. Заказы высыл. по получ. подл. стож. Без-опасность гарантируется. Просим не смешивать нашу фирму с рекл. части. лиц. Карт. возвращ. Адрес: Гл. Почтамт, абонем. ш. № 109 Ул. В.В. Голубятникову.

ГОРТ

ДИРЕКТОРАТ
ПОСЫЛОЧНОЙ ТОРГОВЛИ
МОСКВА, Москворецкая № 26/7

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ:

БАЛАЛАЙКИ—цены: 20 р., 25 р., 30 р., 40 р., 50 р., 65 р. и дороже. МАНДОЛИНЫ—цены: 70 р., 80 р., 90 р., 120 р. и дороже. ГИТАРЫ—цены: 70 р., 80 р., 95 р., 105 р., 150 р. и дороже.

ОРКЕСТРЫ:

СТРУННЫЕ: неаполитанские, великорусские, домровые—составы от 12 инструментов—цена 500 руб. и дороже по согласованию. ДУХОВЫЕ ОРКЕСТРЫ—составы от 12 инструментов—цена 4.500 р. и дороже.

ИМЕЮТСЯ ТАКЖЕ: пионерские трубы (18 р. 50 к. и 20 р. 50 к.) канальерские трубы (39 р. 75 к., 43 р. 75 к., фанфары 55 р. и 60 р., пионерские барабаны (48 р. и 61 р.). В БОЛЬШОМ ВЫБОРЕ: струны, самоучители, пластинки граммофон. (от 2 р.), мебраны граммофон. (15 р. 75 к.), иглоки граммофон. 3 р. 35 к. и 1000.

ФОТО-ПРИНАДЛЕЖНОСТИ:

ФОТО-АППАРАТЫ, ящики с наводкой на фокус—цена 41 руб. 65 коп. СТАТИВЫ (деревян. и железн.)—10 р. 20 к., 11 р. 90 к., 12 р. 60 к., КУБЕТТЫ (ваши) от 75 к. до 3 р. 10 к. ФОНАРИ "Улитка" 6 р. 37 к. РАМКИ копир. от 1 р. 25 к. до 1 р. 65 к. Фото-пластинки, бланки, паспарту, альбомы, химикалии. ФОТО-БУМАГА И ОТКРЫТКИ ВЫСЫЛАЮТСЯ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ НАЛИЧИЯ НА СКЛАДЕ

КАНЦЕЛЯРСКИЕ ТОВАРЫ:

СТЕКЛОГРАФЫ—Цена аппарата 175 р. Запас реактивов на 3 м-ца—100 руб. СТЕКЛОГРАФ-МОТОГРАФ—Цена аппарата 220 р. Запас реактивов 130 руб. При заказе на стеклограф необходимо прислать разрешение милиции на право покупки. ИМЕЮТСЯ ТАКЖЕ ВСЕВОЗМОЖНЫЕ КАНЦЕЛЯРСКИЕ ТОВАРЫ.

ЧТОБЫ ИЗБЕЖАТЬ ЛИШНЕЙ ПЕРЕПИСКИ—ЗАПОМНИТЕ НАШИ УСЛОВИЯ: Заказы высылаются организациям и учреждениям по получении заявки и размере 50% всей стоимости выписанного товара. ОТДЕЛЬНЫЕ ПОТРЕБИТЕЛИ должны одновременно с заказом перечислить всю сумму полностью, иначе заказы не высылаются.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ ШАНТЕ по адресу: МОСКВА, МОСКВОРЕЦКАЯ, 26/7 ДИРЕКТОРАТ ПОСЫЛГОРТА.

ВНИМАНИЕ—Наш расчетный знак в Моск. Обл. Н-ре Госбанка № 6757.

КУЛЬТ-ТОВАРЫ В МАССЫ

МЫ ВЫСЫЛАЕМ—

посылками по почте и жел. дороге в любой пункт

Союза коллентивам и отдельным заказчикам

ВЫСЫЛАЕМ

КЛУБАМ, КРАСНЫМ УГОЛКАМ
НОВЫЕ СЕРИИ ДИАПОЗИТИВОВ НА СТЕКЛЕ

17 партконференция—168 стекол—ц. 42 р.
9-й съезд профсоюзов—210 стекол—ц. 48 р. 70 к.

Как организовать красководство 128 стекол—цена 52 руб. 70 коп.

АППАРАТУРА ДЛЯ ДЕМОНСТРИРОВАНИЯ ДИАПОЗИТИВОВ

Эпидископ—180 руб. Проекционный фонарь—90 руб. Экраны: бол. 60 руб., мал. 37 руб. Карбидные лампы 25 руб. Карбид—2 руб. 65 коп. кино, электроподставки—10 руб., рамки 2 руб. 65 коп.

ДАЖЕ не умеющий рисовать
МОЖЕТ РАЗРИСОВЫВАТЬ
НАСКИМЫ МАТЕРИИ, ДЕРЕ-
ВО, ГЛИНЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ
и т. д., ВЫУЧИВШИСЬ
ЗАОЧНО НА ГОСУРСАХ
— **ДОНО**
По окончании выдается
свидетельство.
Краски и принадлежности
высылаются. Подарности
за 20 коп. марками.
МОСНА, Сухаревол. плещ.,
Павильонный пер., 9/10

ВСЕ РУКОДЕЛИЯ
Самоучитель вышивания, ва-
зання, плетения, ткачества.
Ажурные и филизные рабо-
ты. КРОЙКА и ШИТЬЕ. По-
чинка и переделка. Книга
имеет 348 рис. Цена 4 р. 50 к.
ПОЛНАЯ ПОВАРЕННАЯ
КНИГА ДЛЯ ХОЗЯЕК
Как из любых имеющихся
продуктов экономно гото-
вать разнообраз. опытные и вкус-
ные блюда, также тесто и нап.
Мног. пол. советов. Цена по-
вес. 3 р. Адрес: Киев автору
Н. ПОВИЧ, ул. Воронянского,
ящик. 121.

ПЕЧАТНЫЙ ПРИБОР
„ГУТЕНБЕРГ“. Не-
обходим и полезен
каждому для печата-
ния бланков, кон-
вертов, карточек,
и т. д., отч. и фамилии,
посланий, стихотвор-
ний и проч.: 220
кауч. букв, цифр, знаков и упор-
щений о принадлежности и рукопод.
5 р. 75 к., 320 букв—8 р. 50 к.
и 500 букв—11 р. Перев. и упор-
нения за счет заказчика. Высыла-
ется по получении задатка 2 р.
Пр-ство **Е. И. ГЕНФАНШТЕЙН**,
Одесса, ул. Зиньковского, № 36/16

„НОТЫ — ПОЧТОЙ“
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ НОТНЫЙ МАГАЗИН МОСНА
Москва, Центр, Неглинная, 14 отд. 4. „НОТЫ — ПОЧТОЙ“
Высылает немедленно налож. платеж без задатка

КНИГИ по МУЗЫКЕ

БИОГРАФИИ, МЕМОАРИ, ПИСЬМА КОМПОЗИТОРОВ, ИСТОРИЯ МУЗЫКИ

БОРОДИН. Письма. Вып. I Венюх Шуберту. Этюды и материалы, под ред. проф. Кузнецова.	р. к. 6.50 1.50	МУСОРСКИЙ. Статьи и материалы, под ред. Келдыша и В. Яков- лева к 50-летию со дня смерти (1881—1931). В переплете	р. к. 15.—
ГЛЕБОВ АНТОН РУБИН- ШТЕЙН. Его музыкаль- ной деятельности иот- вывах современников.	2.50	МУСОРСКИЙ. Статьи и исследования Том I. Варис Годунов	8.5
История русской музыки: Том II. ТАНЕЕВ, С. И. Личность и творчество Том III. ГЛИНКА и его современники	2.25 1.—	РИМСКИЙ — КОРСАКОВ. Летопись моей музы- кальной жизни	6.—
КОМБАРЬЕ. Француз- ская музыка XVI века ЛАРОШ. Собрание муз.- критических статей о Чайковском. Ч. I, II по	1.50 1.—	САВАНЕЕВ. Вспомина- ния о С. К. ЯВИНЕ	2.—
МАЙКАПАР. Значение творчества БЕТХОВЕ- НА для нашей совре- менности	1.—	ТИМОФЕЕВ. АЛИБЕВ. Очерк жизни и творче- ства	—7
МУСОРСКИЙ. Письма и документы. Собрал А. В. Римский-Корса- ков. В переплете	10.—	ФИНДЕЙЗЕН. Очерки по истории музыки в Рос- сии с древнейших вре- мен до конца XVIII века. Том I и II	10.—
		ФИНДЕЙЗЕН. ГРИГ. Очерк жизни и муз. деятельности	—6
		ФИНДЕЙЗЕН. СЕРОВ. Жизнь и муз. деятель- ность	—7

ТРЕБУЙТЕ КАТАЛОГИ

ГРИМ, ПАРИКИ, ПЬЕСЫ
МАГАЗИН, ЛАБОРАТОРИЯ И МАСТЕРСКИЕ
Российского Театрального Общества

ГРИМ ТЕАТРАЛЬНЫЙ

Тушь для ресниц и бровей — кор. 4 руб. 20 коп.

Цена	Цена		
Набор грима б/р.	3 50	Пуховик с/р	4 50
Набор грима в картонных коробках	3 10	Сухие румяна	85
Набор грима в картонных коробках с/р.	2 60	Карандаши для бровей в метал. пеналах черн. корич., шатен 1/2	3 25
Набор грима карандашным и карандашным	3 50	Карандаши для бровей в бумажн. пеналах	1 40
Растушевка для грима шт.	— 88	Губная помада в метал. пеналах 1/2	4 40
Кисть для грима	1 60	Губная помада в метал. пеналах 1/2	3 —
Кисть для лака	— 10	Губная помада в бумажн. пеналах	2 15
Тона грима в карандашах № 1, 2, 3, 4	1 15	Губн. помада бум. пеналах 1 55	
Тона грима ост. цвета тон. Гумоз	— 85 50	Губн. пом. коробч.	1 35
Лак для наклад. волос б/р. и/разм.	1 30 70	Губн. пом. боченин.	— 80
Паста для снятия грима	— 10	Вазелин	2 40
Пудра для артистов кругл. Пуховик б/р	1 10 6 25	Искусств. носы штучн. „рыж.“, „блонд“, „шатен“, „черн. метр.“	1 45 1 45 1 45

ЗЕРКАЛА ДЛЯ ГРИМИРОВАНИЯ . . . 2 р. 55 к.

ПАРИКИ

Русск. парик трес. б/бл 24	—	Данск. под прическу трес. блонд, рыж.	от 55
Русск. парик трес. со лб. 23	—	Данск. с двумя косами от „шваб.“	от 60
Поповск. бел., сед., рыж., и др.	от 21 50	„шваб.“	70
Гордиск. парик трес. на тыло	от 21 50	Бороды с усам. больш. всех цветов	от 7
Стрижен. трес. на тыло со лбом	от 24 —	Тонк. средн. всех цвет.	„ 5
Бобрик трес. на тыло	25 —	Тонк. малые всех цвет.	„ 3 50
Лысые трес. на бзвн	16 50	Усы всех цв. на тыло	— 95
Данск. под прическу трес. на тыло	от 50 —	Крепл. всех цв. бел., сед., рыж., „блонд“, „шатен“, „черн. метр.“	от 1 25

ПОСОБИЯ ПО КЛУБНО-ТЕАТРАЛЬНОЙ РАБОТЕ:

1. ПЬЕСЫ — ГИБЕЛЬ НАДЕЖДЫ. 3-й лист и 35. н. „МРОВЬ
и ВОДА“ пье в 4-х ч. 30 н. „ЯРОСТЬ“ пье в 4-х ч. 30 н.
2. КЛУБНАЯ СЦЕНА № 3 и ТЕКУЩИЕ ЖЕЛ. Цена 60 коп.
3. ИГНАСНАЯ РУБАХА. (Сборник и. форм и/деревни) — 30 н.
4. СБОРНИК ПЬЕС. Сталя. Беда от урожая. Леша и/батарь.
Цена сборника 1 р. 90 к.
5. ОФОРМЛЕНИЕ МАССОВОГО ПРАЗДНЕСТВА (пособие)
ц. 1 р. 50 н. 6. ТЕХНИКА РАБОТЫ НАД МАЛЫМИ ФОР-
МАМИ (В помощь клубному драматургу). Ц. 65 н. 7. ИСКУ-
СТВО ГРИМА (Наглядное пособие кружковцам.) Цена 2 р. 60 н.
8. ИСКУСТВО ГРИМА (руководство для киноработников)
О. И. Гузькова. Цена 2 р. 40 коп.

Поступили в продажу
КНИЖКИ ТЕАТРАЛЬНЫХ БИЛЕТОВ
по 1000 билетов в каждой книжке. Цена 1 руб. 25 коп.
ЗАКАЗЫ ВЫСЫЛ. НАЛОЖНЫМ ПЛАТЕЖОМ БЕЗ ЗАДАТКА
ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ: Москва, Советская пл. 28/я РГО.

ВСЕУКРАИНСКИЙ ИНСТИТУТ ЭНДО- КРИНОЛОГИИ И ОРГАНО-ТЕРАПИИ НАРКОМЗДРАВЯ УССР и ХАРЬКОВ. МЕДИЦИНСКОГО ОБ-ВА

СПЕРМОЛЬ
ВЫТЯЖКА ИЗ СЕМЕННЫХ
ЖЕЛЕЗ
по 30-40 КАПЕЛ 3 РАЗА
В ДЕНЬ ПЕРЕД ПИЩЕЙ
НА СОЛОВОЙ ВОДЕ.
Г. ХАРЬКОВ
УЛ. АРТЕМА, 12

МИОЛЬ
МУСКУЛЬНЫЙ
ЭКСТРАКТ
Г. ХАРЬКОВ
УЛ. АРТЕМА, 12

ФИТО-ФЕРРИН
актив. 7%
5%

ПРИ ОСТРОМ МАЛОКРОВИИ,
БЕЛОКРОВИИ И АНЕМИИ
ПРИМЕНЯЕТСЯ
ФИТО-ФЕРРИН
(ФИТИН С ЖЕЛЕЗОМ)

ФОСФРЕН
фосфор для мозга.
ХАРЬКОВ, УЛ. АРТЕМА, 12

**ПРИ УПАДКЕ УМСТВЕННЫХ И
ФИЗИЧЕСКИХ СИЛ ПРИМЕНЯЕТСЯ**
ФОСФРЕН
(фосфор для мозга)

ПРИ ОТСУТСТВИИ НА МЕСТАХ ВЫСЫЛАЕТСЯ ПОЧТОЙ ГЛАВНЫМ СКЛАДОМ
ИНСТИТУТА ПО ПОЛУЧЕНИИ ЗАДАТКА НЕ МЕНЕЕ ОДНОГО РУБЛЯ
С КАЖДОГО ФЛАКОНА. ОБРАЩАТЬСЯ ПО АДРЕСУ: ХАРЬКОВ, УЛ.
АРТЕМА, 12. ВСЕУКРАИНСКОМУ ИНСТИТУТУ ЭНДОКРИНОЛОГИИ.

СПОСОБ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРИ КАЖДОМ ПРЕПАРАТЕ.
ПРОДАЖА ВО ВСЕХ АПТЕКАХ И МАГАЗИНАХ САНГИГИЕНЫ СССР.